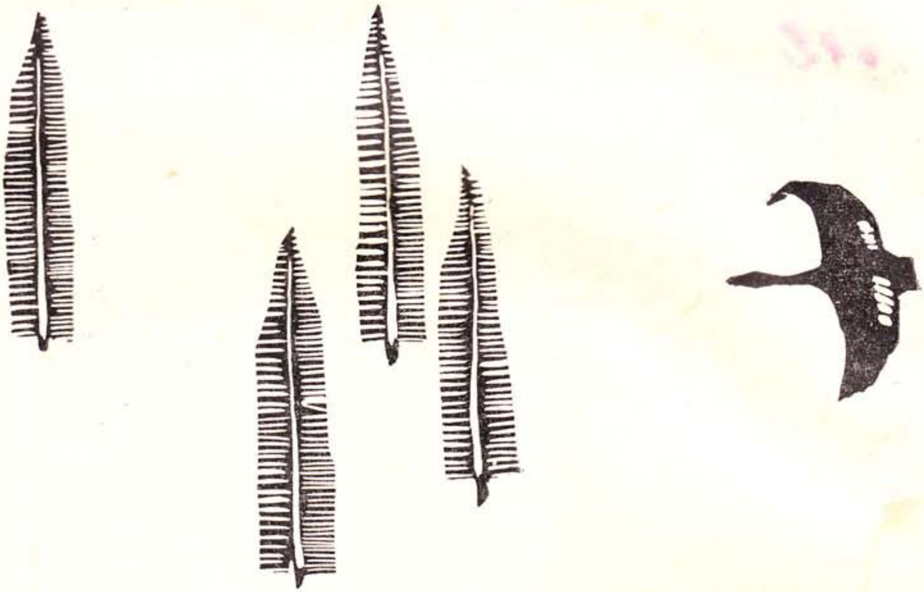
91
Г74

Тропою Черского

МАГАДАНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1965

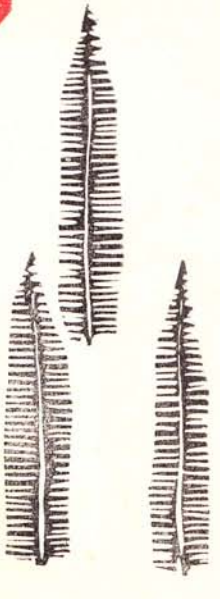


В. Яхонтов

рассказы о природе

Тропою Черского

БИБЛИОТЕКА
средней школы
№ 20 г. Магадан



Художник Ю. И. ПАНЮШЕВ

САМООТВЕРЖЕННЫЙ ИСКАТЕЛЬ

Хребет Черского. Какой большой научный подвиг, связанный с трагедией, кроется за этим скромным географическим названием. Человек, именем которого названа эта горная страна, жил ради науки.

В славной плеяде исследователей Севера имя геолога Ивана Дементьевича Черского по праву занимает одно из первых мест.

Нелегкой была жизнь, трагична и сама смерть этого крупного ученого. В прошлом ссыльный и отбывший солдатчину «прощенный повстанец», после многих лет плодотворной исследовательской работы в Центральной Сибири стал видным ученым. Имя геолога Ивана Дементьевича Черского стало широко известным. К нему, как большому знатоку, стали обращаться за советом и консультацией геологи, географы, палеонтологи и даже этнографы. Бесправный политический ссыльный стал видным человеком.

Академия наук тоже обратила внимание на исследования И. Д. Черского и поручила ему организовать и возглавить новую экспедицию на Северо-Восток нашей страны.

Толчком к этому решению явились частые находки костей, скелетов и целых трупов доисторических животных в этой неисследованной части империи. В течение девятнадцатого века по всей Сибири, включая и Колыму, было зарегистрировано более тридцати находок мерзлых трупов мамонтов и несколько экземпляров сибирских носорогов. Неточные и обычно запоздалые сведения, поступавшие в Академию наук, не давали возможности своевременно принять меры и доставить в музей хотя бы одну из этих находок.

Кроме того, было совершенно неясно, каким образом попадали на Крайний Север эти вымершие животные. Существовали разные теории

на этот счет. Надо было уточнить вопрос о происхождении и родине этих млекопитающих и сохранить для науки хотя бы одну находку.

Иван Дементьевич Черский предложил свой план. Работник Академии наук должен на несколько лет, как в добровольную ссылку, поселиться в Колымском крае. Только тщательное изучение послетретичных отложений системы северо-восточных рек — далекой и загадочной Колымы, Индигирки и Яны — сможет разрешить этот вопрос. Эти реки отгорожены с юга и запада высокими горными хребтами, через которые невозможен доступ живых и занос остатков ископаемых животных с юга.

Так был решен вопрос об экспедиции на Колыму. Несмотря на плохое состояние здоровья, И. Д. Черский с большим увлечением взялся за организацию экспедиции.

В июне 1891 года Иван Дементьевич Черский вместе с женой Маврой Павловной и двенадцатилетним сыном Сашей вышел из Якутска. Экспедицию, рассчитанную на три года, сопровождал нанятый в Якутске проводник — бывалый человек, казак Степан Расторгуев. Объем намеченных работ был широк. В задачу экспедиции входили зоологические, геологические, ботанические исследования и сборы материала. Кроме того, необходимо было произвести маршрутную съемку и нанести на карту все незнакомые земли. Попутно собрать данные по этнографии и истории края.

Путь экспедиции проходил по топкому бездорожью, зимним якутским почтовым трактом, от одной жилой юрты до другой. Из Якутска дорога шла на восток, через Приалданскую низменность и реку Алдан вплоть до подножия Верхоянского хребта и окраинной гряды гор. Пересекли с большими трудностями крутые южные отроги хребта и прибыли в Оймякон.

Неприступные, черные горы с языками снега уходят к облакам. Отточенные ледниками утесы и нагромождения валунов преграждают путь. Гигантские осыпи сползают вниз, в заросли тальника. Гранитными глыбами устланы берега речек. Огромные наледи — тарыны — с многометровыми пластами льда заполняют долины. Невиданные горные породы прорезают склоны. Окаменелости, отпечатки, кости вымерших животных, вечная мерзлота, сковавшая недра земли,— все так ново, все так необычно и требует правильного научного объяснения. Надо

все изучить и сопоставить с ранее полученными отрывочными сведениями. Для И. Д. Черского не было большей радости, чем вырвать тайну у природы, открыть истину для блага людей.

Дальше дорога шла вниз по Индигирке, через стойбище Тарын в устье реки Неры. Затем перевалили через обширное плоскогорье Улахан-Чистай и спустились к стойбищу Кыгыл-Балыктах, что стоит на реке Моме, правом притоке реки Индигирки. Оставив позади Момские горы и их отроги Арга-Тас, экспедиция спустилась по реке Зырянке до впадения ее в реку Колыму.

Зазимовал Иван Дементьевич Черский в устье реки Ясачной, в поселке Верхнеколымске, или, как называли его местные жители,— крепости. По тем временам эта дорога обошлась баснословно дорого. Из Якутска караван шел на 44 вьючных лошадях. Дальше, по рассказам старожилов, только за перевозку груза на один отрезок пути оймяконский кулак Кривошапкин содрал с И. Д. Черского по сто рублей с вьюка груженой лошади. В те годы на эти деньги можно было купить лучшую, на выбор, лошадь. Говорят старики, что Кривошапкин на эти обманом добытые деньги церковь в Оймяконе выстроил и медаль от губернатора получил.

Тяжелый путь и зимовка в холодной якутской юрте, сильные морозы и скудное питание вконец подорвали и без того слабое здоровье И. Д. Черского. У него обострился туберкулезный процесс в легких. Предвидя, что ему не удастся завершить начатое дело, И. Д. Черский привел в порядок все свои записи, наблюдения и сборы. Он приготовил письмо в Академию наук и в письменном распоряжении поручил жене Мавре Павловне без него продолжить и довести работу экспедиции до конца. Письмо он закончил обращением к местным властям. Ученый просил способствовать целям экспедиции точно так же, как это делалось при его жизни. Не забыл он оставить и завещание о дальнейшей судьбе своей семьи. Зная, что дни его сочтены, И. Д. Черский оставил все эти документы жившему в то время в Верхнеколымске ссыльному священнику Василию Ивановичу Сучковскому и просил его исполнить последнюю волю — доставить письмо-завещание в Петербург, в Академию наук. Весь дух самоотверженного исследователя, бескорыстного искателя истины, высокая внутренняя культура и величие подвига ученого выразились в этом последнем письме-завещании.

Все для науки, все ради науки, даже самое дорогое — собственная жизнь.

Вниз по Колыме. Ничто не могло остановить исследовательского порыва Черского. Неудержимая жажда знаний вела этого человека.

В конце мая могучая Колыма, взломав ледяной панцирь, ринулась вниз, в студеный океан. 31 мая 1892 года тяжело больного И. Д. Черского на руках перенесли в карбас и положили под тентом. Исчезли в туманной дали оставшиеся позади горные хребты. На горизонте выплыли волнистые плато.

Не щадя сил и здоровья, И. Д. Черский продолжал вести наблюдения, делал записи, держался бодро, спокойно. Он только сожалел, что не сможет закончить экспедицию, на которую Академия наук возлагала столько надежд.

10 июня экспедиция прибыла в город Средне-Колымск. И. Д. Черский уже не имел сил выходить на берег и взбираться на скалы и лежал не выходя из каюты. Он обессилел настолько, что рука отказывалась держать карандаш. Все наблюдения вела его верная спутница и жена Мавра Павловна, а записи под диктовку отца или матери делал сын Саша. Но все же Иван Дементьевич приказывал подплывать к берегу около каждого интересного в научном отношении места.

25 июня (по старому стилю) 1892 года самоотверженный исследователь в возрасте 47 лет безвременно скончался от туберкулеза легких. Экспедиция потеряла своего любимого начальника. В день смерти на реке поднялась буря. Огромные волны грозили захлестнуть и перевернуть карбас.

Похоронен И. Д. Черский в Колымской Заимке, на левом берегу Колымы, против устья реки Омолон. Первую ограду на могиле отца сделал его сын, тринадцатилетний мальчик Саша. Местные жители приняли горячее участие в похоронах ученого. Слух о нем, как о справедливом человеке, опередил самого путешественника.

После похорон мужа Мавра Павловна, выполняя волю умершего, продолжала работу экспедиции по намеченному маршруту.

Прошло семьдесят лет. Неузнаваемо изменилась за эти годы далекая заброшенная когда-то окраина нашей страны. Советская власть преобразила сказочную Колыму. Она стала одним из важнейших горнопромышленных районов страны.

Золотые прииски, каменноугольные копи, оловянные рудники с самой передовой техникой выросли с невиданной быстротой. Страну вдоль и поперек изрезали автомагистрали, и машины курсируют на них круглый год. Культурные, благоустроенные города и поселки возникли по этим артериям. Полуночный край раскрыл свои богатства, преобразовал хозяйство и быт живущих в нем людей. А главное — выросли люди. Созданы условия для культурного развития обитателей тайги и тундры — охотников, животноводов, рыбаков. По численности среди советской интеллигенции жителей Севера значительный процент составляют выходцы из коренного населения края.

За эти годы выросла и похорошела когда-то крошечная Колымская Заимка — центральный поселок колхоза «Турваургин». Здесь много добротных домов, больница, школа, Дом культуры с библиотекой, магазин, пекарня. Есть электростанция с пилорамой. Могила И. Д. Черского находится в самом центре поселка.

Советский народ бережно хранит в своей памяти имена отважных исследователей Арктического бассейна. По предложению известного геолога С. В. Обручева, система горных хребтов, пересекающих реки Колыму и Индигирку, названа именем Черского. Все ценные наблюдения и данные, полученные И. Д. Черским, широко используются при новых, более детальных геологических исследованиях богатейших месторождений полезных ископаемых бассейнов рек Колымы, Яны и Индигирки. А зоологические сборы легли в основу при изучении и описании фауны Колымо-Индигирского края. Тропою И. Д. Черского прошли многие.

В 1947 году, по инициативе известного краеведа, начальника Колымо-Индигирского речного пароходства Алексея Емельяновича Леликова, на могиле И. Д. Черского был воздвигнут гранитный обелиск. На нем прикреплена доска с надписью: «Выдающемуся исследователю Сибири и Колымы, Индигирки и Яны, геологу и географу Ивану Дементьевичу Черскому (1845—1892 гг.) от благодарных потомков». С четырех сторон могилу ограждают массивные железные цепи.

Но в сущности памятник Ивану Дементьевичу Черскому — это весь большой край, исследованию которого он отдал всю свою замечательную жизнь.

В довершение следует сказать, что в династии Черских судьбу отца

повторил и сын. Жизнь Александра Ивановича Черского также трагически оборвалась в расцвете сил.

Закончив в 1904 году Петербургский университет и унаследовав от отца пытливую наблюдательность и любовь к природе, А. И. Черский переезжает работать на Дальний Восток. Долгое время он сотрудничал в отделе природы Владивостокского музея. Потом этот замечательный натуралист уезжает на Командорские острова, где изучает биологию редких промысловых животных — котиков, морских выдр и песцов. А. И. Черский собрал очень много материалов для изучения фауны Дальнего Востока. Его именем названы многие, вновь открытые виды птиц, зверей и рыб.

С этих затерявшихся в северной части Тихого океана островов Александр Иванович уже не вернулся. Летом 1921 года, в самый разгар работ, он трагически погиб, так же как и отец, не завершив своих исследований.

Так, поочередно, отец и сын внесли достойный вклад в науку и погибли во имя ее.

БЕЛОЕ ЧУДО

Люди видят: весной высоко в небе, точно сказочные кораблики, проплывают белые птицы. Молча летят они над оживающей тайгой, над бесчисленными озерами, ни единым звуком не нарушая голубой тишины. Голова с длинным клювом вытянута вперед, ноги откинуты назад, в прямую линию. Настоящий журавль, да только белый и не курлыкает.

И никто не знает, куда летят и где живут эти загадочные птицы.
Народ называет их стерхами, или белыми журавлями. Каждый раз, увидев летящих стерхов, я мысленно говорю им: «Безоблачный путь вам, небесные кораблики! Летите своим путем, никто вас не тронет!» И долго смотрю вслед, слежу, как ломаная шеренга птиц исчезает за горизонтом.

Эта редчайшая птица мира водится только в нашей стране. Стерх живет в Якутии и в междуречьях Колымы, Индигирки, Алазеи и Яны. Потом в Западной Сибири в бассейнах рек Тобола и Иртыша и в низовье реки Оби. Больше нигде в мире его нет. Западная группа стерхов зимует в Иране и Индии. Восточная, якутская группа,— в Китае и Японии.

Впервые стерх был описан русским ученым П. С. Палласом в 1773 году. И казалось, что в дальнейшем такая большая и заметная птица не должна ускользнуть от внимания натуралистов. Но прошло без малого двести лет, а наши познания об этой редкой, изумительной красоты птице почти не пополнились. Известно только, что стаи стерхов сильно уменьшились в числе и совершенно исчезли из многих районов страны. Ученые-зоологи по праву относят эту редкую птицу к вымирающим.

Был конец мая. Легкой зеленой дымкой покрылась лиственничная тайга. Вереницы птиц с шумом и гамом возвращались к родным местам. Впервые закуковала кукушка. В эти полные весенней радости дни судьба занесла меня по служебным делам на далекую молочную ферму колхоза «Социалистическая Колыма». Заночевал в юрте. Под утро слышу в стороне какие-то странные непривычные звуки. Они никак не вязались с патриархальной тишиной этого далекого уголка. Как будто кто-то затрубил в горн, потом заиграл на валторне. Внезапно эти звуки стихли, как оборвались, и я услышал шум, треск и хлопание крыльев.

«Приснилось, что ли?» — подумал я. Но все-таки на всякий случай спросил хозяйку, возившуюся у стола, что это за джаз-оркестр появился на ферме.

Немолодая женщина, улыбнувшись моему неведению, на русско-якутском диалекте пояснила, что здесь недалеко, на болоте, танцуют белые журавли.

Сна как не бывало. Поспешно собравшись и захватив бинокль, я пошел, вернее, помчался в указанном направлении. Увидеть брачные игры стерхов — небывалый случай для натуралиста.

До заросшего травой болотистого озерка было около километра. Я знал, что стерхи — сверхосторожные птицы и увидеть их вблизи вряд ли придется. Я замаскировался в кустах, метрах в полутораста от токовой площадки, и стал наблюдать птиц в бинокль. Мне хорошо были видны все участники спектакля. Красивые большие птицы полагали, что вблизи никого нет, и спокойно занимались своим делом. По одному, по два «артисты» выходили на авансцену, вертелись, топтались, помахивали крыльями. А «зрители» любовались и дружелюбно подавали голоса. То громко, точно в рог затрубят, то клювом защелкают или басисто, как по струнам, переберут. И крыльями хлопают — аплодируют. Устанет пара, другая выйдет, а то и трио долговязых красавцев. Иной важно

запрокинет голову и скороговоркой что-то, точно на флейте, проиграет. И еще поклонится с любовным стоном. Потом вдруг, как одержимый, низко пригнется и, быстро-быстро пританцовывая, побежит. Один «артист» умудрился: камешек с земли схватил, подбросил его и на лету клювом поймал. Жонглер по всем правилам.

Не менее часа тянулось представление. Вдруг «горнист» заиграл отбой. Белые птицы присмирели, сникли и, тихо посовещавшись, по одной, по две стали разлетаться. Не прошло и пяти минут, как танцевальная площадка опустела. Все стихло.

Прилетают к нам белые журавли в третьей декаде мая. «Весну на хвосте несут»,— говорят в народе. Для гнездовья всегда выбирают самые глухие, безлюдные уголки тундры. Топкие болота и небольшие, заросшие травой озера с хорошим кругозором — их излюбленные места. Если ничего не помешает, то стерх постоянно гнездится на одном и том же болоте. Живут они парами. Яиц в кладке всегда два. Птенцы выводятся в июле, а в начале сентября птицы улетают.

Стерх очень зорок и осторожен. Птичьим инстинктом чует он врага и никогда не выдаст своего гнезда. Много надо терпения, чтобы его выследить. Увидев опасность, белый журавль заранее незаметно отойдет в сторону и как ни в чем не бывало улетит. Такое с виду беспечное поведение птицы у гнезда сбивает с толку даже опытных следопытов. И поэтому почти никто не находил гнезд стерха. Основной пищей стерху служат семена, стебли и корни болотных растений. Для этой цели на конце мощного клюва у него имеются зазубрины, помогающие птице выдергивать из болота клубни и корневища трав.

Стерх самый крупный из всех журавлей: ростом до полутора метров и весом до десяти килограммов. Оперение у него белое, концы крыльев — черные. Клюв и ноги красные. Глаза желтые. Передняя часть головы голая и покрыта плотной красной кожей.

Стерх прочно вошел в якутский фольклор, эта одна из популярнейших и любимых народом птиц. Красивую женщину всегда сравнивают со стерхом. Про него сложено много песен, стихов, сказок и легенд.

Именем стерха в Якутии названо и много урочищ. В прошлом белый журавль считался чуть ли не священной птицей, убивать его было грешно. А уж если это случилось, то, соблюдая обряд, мертвую птицу вносили в юрту не через дверь, а в окно. Верили, что невыполнивший этого

обряда человек, виновный в гибели птицы, лишится дара речи и не будет слышать.

В Китае, где белый журавль зимует, его считают символом долголетия и вышивают шелком на панно и ширмах. В Японии стерха приручают. Очень обидно, когда белый журавль попадает под выстрел какого-нибудь чересчур азартного, не знающего меры «охотника». У сознательного человека вряд ли поднимется рука на белое чудо. Надо сберечь в нашей стране эту почти исчезнувшую птицу.

БОЙ ОЛЕНЕЙ

Глубоким каньоном врезалось урочище Улахан-Ногаин в высокогорное, открытое всем ветрам плато Улахан-Чистай — пустынный водораздел между реками Колымой и Индигиркой. Точно исполины стоят на страже скалистые громады утесов, подпирая своими каменными шапками ясную лазурь неба. Плечи гор изрыты причудливыми провалами. Окаменевшие всплески земной коры похожи на средневековые замки. Угрожающе высятся зубчатые башни и пики, темнеют бойницы полуразрушенных крепостей.

А внизу серебрится извилистая лента реки. Сочные луга и густой бордюр осыпающегося леса занимали то правый, то левый берег потока. Прекрасное место для выпаса оленей в период осенних темных ночей.

Стоял сентябрь. Пожелтела и бесшумно падала листва с берез, оголяя лес. Увял и зарумянился осинник. В золотисто-багряные тона окрашены склоны сопок. Днем светит, почти не грея, холодное солнце, а по ночам стынет воздух и легкий морозец скрепляет первым ледком небольшие водоемы.

Улетали птицы. Стайки мелких пичуг, вереницы уток тянулись к югу. В ночную пору, с прощальным гоготом, шумя тугими крыльями, летели косяки гусей. Они шли так низко, что казалось вот-вот заденут палатку. Значит, надо ждать снега.

В сентябре у оленей начинается гон. Старые самцы — корбы — отощавшие, с впалыми боками и мутными налитыми кровью, бездумными, навыкате глазами бродят в окружении своих подруг. Отвернув в сто-

рону голову, брызгая слюной и глухо ревя, ревниво охраняет такой властелин отбитый с бою и подвластный ему десяток-другой самок. И если одна из норовистых важенок свернет куда-либо, он немедленно водворяет ее обратно и возмущенно ревет.

Вот корб заметил, что к его группе слишком близко подошел еще один соперник. С характерным отрывистым, будто из утробы ревом, наклонив и сбычив голову, как-то боком, двинулся он навстречу противнику. Пошел на врага.

И горе неосторожному пришельцу, вздумавшему навести свои порядки в стаде и поухаживать за вопросительно смотрящими важенками. Он без промедления получит должный отпор.

Но такую же позу принял и противник. Враги сошлись. Изловчившись, с бешеным храпом ринулся властитель стада на соперника, выставив рога вперед. Встречен он был не менее яростным ударом. Пригнув морды к земле и потрясая головой, враги сцепились. Щелкали сухие, ветвистые, с острыми, как ножи, концами рога. То один, то другой, налегая всей тяжестью, старались свернуть противнику шею и попеременно пятились назад под давлением огромной силы напора нападающего. Шансы их были одинаковыми. Срывалось от напряжения дыхание, хрустели кости, стучали, как сухие костяшки, рога, взрывалась и утаптывалась земля. Они расходились и вновь, вздымаясь на дыбы, бросались в бой. В смертельной схватке, обливаясь кровью, отстаивал свое право, право сильного, в стаде старый олень.

А равнодушные ко всему, даже несмотря на происходящую драку, мирно щипали траву большеглазые важенки.

Наконец пришелец не выдержал, стал сдавать и неосмотрительно подставил под удар свой бок. В тот же момент он получил глубокую смертельную рану. Сбитый с позиции, он споткнулся и упал с легким стоном. А победитель, старый рослый корб, еще несколько раз боднул уползающего в сторону израненного врага, потоптал его копытами и удовлетворенно заревел. Потом, осмотревшись по сторонам и убедившись, что ничто ему больше не угрожает, отправился к своим, еще раз отвоеванным подругам.

Вскоре стадо ушло. А избитый, поверженный олень так и остался лежать на поле боя. Просторная луговина, замкнутая среди скал, приняла еще одну жертву.

ШУМНЫЙ БЕРЕГ

Для отдела природы музея потребовалось несколько экземпляров морских птиц.

— Съездим на Тайгонос! На этом мысу есть непуганый птичий базар,— предложил мне бригадир рыболовецкой бригады Дмитрий Иванович Мазур.— Добудем в этой колонии нужных птиц и быстро вернемся!

Решено — сделано! В управлении взяли разрешение сесть на рыболовецкое судно, идущее в тот район моря. Катер только что вышел из ремонта и блистал как именинник.

— Наши в тех местах ловят рыбу и зверя бьют. Команда катера пути подхода хорошо знает! — успокоили нас в конторе.

Когда утром мы выходили из Наяхана, на рейде призывно гудел небольшой пароход. Приземистые домики с нахлобученными крышами карабкались, словно помогая друг другу, по заросшему кустарником склону горы. Порывистый ветер дул с моря. Холодный моросящий дождь застилал даль, и вскоре все померкло в тяжелой непроглядной мгле. Кругом расстилалось студеное, вечно неспокойное Охотское море.

Катер настойчиво пробивался сквозь плотную сырую завесу тумана. Вокруг только мгла и свинцово-серые волны. Но нам повезло: днем тучи разомкнулись, нудный дождик стих, и выглянуло солнце. Все ожило. Под его лучами катер быстро обсох и уже веселее побежал вперед.

Еще далеко в море нас встретили морские странники — чайки. Настойчивым тревожным криком, срывающимся на истерический плач, и беспрерывным облетом катера дозорные птицы выражали свое беспокойство. К ним подлетали все новые и новые, и, когда наше суденышко подошло к суше, нас сопровождала целая туча крылатых конвоиров. Нельзя сказать, что это было приятно. Непрерывный, разноголосый крик утомлял слух. По мере того как мы приближались к берегу, вокруг катера стали сыпаться «визитные карточки» хозяев. Палуба нашего щеголеватого корабля скоро запестрела, как пол в курятнике.

— Ну на что это похоже?! — законно возмущался Дмитрий Иванович.— Только покрасили — и на тебе, сразу заляпали!

Необычное зрелище представляло это птичье царство. На недоступной человеку, почти отвесной скале снизу и доверху лепились птицы.

Черными и белыми пестринами густо усеяли они ступенчатый склон и всю поверхность воды вокруг утеса. Точно из гигантского улья, рой за роем вылетали они в море, плавали за белой полосой прибоя и шумной компанией возвращались обратно. Казалось, что на этом затерянном далеко в море бесплодном кусочке земли ничего, кроме птиц, нет. Они его завоевали, использовали и поделили между собой. Каждый карниз, каждый уступ или кучка камней — все было занято. Ни на секунду не смолкающий гул заглушал грохот прибоя. Говорить между собой стало невозможно: мы кое-как объяснялись знаками. Прибрежная полоса моря и влажный заплеск берега были густо усыпаны перьями и хлопьями пуха. Каша из обрывков гниющих ламинарий смягчала удары волн. Густой запах птичника, насыщенный йодом, дополнял картину.

В нижнем ярусе голых скал плотными рядами, как на параде, выстроились степенные кайры. Они были строгие консерваторы и ежегодно занимали одно и то же место. Удлиненной формы яйца лежали здесь же, на карнизе, и странным казалось, что они держатся и не скатываются вниз. Птицы беспрерывно взлетали, носились по прямой от скалы к морю и обратно. Вернувшись, садились, протискиваясь среди недовольных сородичей. Гортанным ворчанием — кгээ — встречали кайры своих подружек.

Иногда возникала ссора. Соседки начинали щипать и толкать друг друга. Постепенно весь ряд загорался настроением враждующих и с воинственным азартом присоединялся к драке. Летели перья, сыпались яйца. В общей свалке трудно было что-либо разобрать. Грубое пронзительное «арра», «арра» висело в воздухе.

Чуть повыше все узкие расщелины и пещеры заняли чистики. Их черные лакированные головки блестели на солнце. Срываясь вниз, они стрелой падали, как бы ввинчиваясь в воду, и продолжали полет уже под водой. Тут же, среди хаотического нагромождения обломков скал, покрытых мхом, шмыгали самые маленькие, самые энергичные и самые беспокойные обитатели утеса — люрики. В народе их называют пыжиками, или морскими курочками. Подразнивая и подстрекая друг друга, с резкой бранью соскальзывали они с камней и исчезали с глаз. Потом вновь неожиданно появлялись из расщелин и, устроив шумную летучую сходку, суетливо перебирались на другое место. Взметнувшись в воздух, они пулей носились взад и вперед и без умолку верещали.

Благодаря очень частым, сливающимся в глазах взмахам коротких крыльев и неуловимым поворотам люрики в полете походят на какую-то фантастическую смесь птицы с диковинной мраморной мухой.

Вверху, на большой высоте, помещались чайки — бургомистры. Целым роем, красиво планируя в воздухе, вились они у своей колонии. Эти чайки жили грабежом и держали под прицелом все этажи. Яйца и птенцы жителей базара были основным кормом этих разбойников. Но все птицы хорошо знали их вороватые наклонности и охраняли гнезда, дружно изгоняя ненавистных врагов.

А еще выше, на самом неприступном, островерхом утесе молчаливо восседал белоплечий орлан. Как и подобает царственной птице, он не обращал никакого внимания на рыночную сутолоку внизу. Он был равнодушен к ней так же, как и к ветру и неумолкаемому шуму прибоя. Он был выше этого. Там же, на вершине, располагалось и огромное многолетнее гнездо этого морского гиганта.

В стороне, на окраине базара, на более пологом склоне горы было потише. Там, среди поросших травой трещин, разместились молчаливые ипатки. Белогрудые, с плоскими массивными, ярко раскрашенными клювами, они заметно выделялись на фоне серовато-розового базальта. Точно крохотные пингвины, сидели они на страже у своих нор, думая птичью думу. По соседству с ними вся земля была источена глубокими норами топорков. Эти занятные птицы могли быть спокойными. Их драгоценное яйцо или смешной, с уродливой головой птенец всегда находились в норе, в сохранности. Повсюду в одиночку шныряли легкокрылые поморники. Это были настоящие грабители, с ходу отбирающие у застенчивых ипаток и смирных чистиков пойманную ими рыбу.

И вот из этой-то сумятицы предстояло выбрать несколько птиц в жертву науке.

— Вряд ли мы сумеем здесь добыть...— усомнился бригадир Мазур.— После стрельбы такое подымется, что только держись!

Но мы все же решили рискнуть. Начали с кайр. Гром выстрела еще не успел прокатиться вдоль берега, как другой, более мощный звук обрушился на нас. Мириады птиц с оглушительным ревом бушующего урагана сорвались со скалы и с реактивной скоростью взмыли в небо. Казалось, рухнула в море торчавшая перед нами скала со всеми ее обитателями. Стало темно. Сотни птиц с угрожающей скоростью проноси-

БИБЛИОТЕКА
средней школы
№ 20 г. Магадан

лись возле самого лица, задевали за голову, за плечи, за спину и буквально сбивали с ног. От их стремительного движения закачался и стал клевать носом катер. Спасаясь от сумасшедшего вихря, мы присели за рубку. Пернатая лавина падала в воду. Вся прибрежная полоса моря, поглотившая массу тел, вспенилась и запузырилась, точно кипяток. Несколько летунов, ударившись с разгона обо что-то твердое, свалилось на палубу и за борт. Разобрать что-либо в этом светопреставлении было совершенно невозможно, и, конечно, судьба убитой нами кайры осталась неизвестной.

Эта кутерьма тянулась недолго. Паника вскоре стала стихать. Бушующая крылатая туча успокоилась, и понемногу птицы стали возвращаться на свои места. Разбившихся на лету двух люриков, кайру и чистика мы вынули из воды.

— Я же вам говорил, что здесь стрелять небезопасно! — напомнил Дмитрий Иванович.— Давайте лучше проплывем немного подальше, к колонии ипаток. Там без всякого шума возьмем пару птиц в норах. Здесь же все равно не дадут.

Предложение показалось дельным. Вскоре мы поднимались по откосу, поросшему лисохвостом. Повсюду, среди камней, виднелись норы ипаток. В более мягком торфяном грунте чернели овальные дыры и лабиринты жилищ топорков. Бесстрашные часовые только негодующе щелкали клювами, когда люди проходили мимо их сторожевых постов.

Мы взяли из норы одного топорка. Он был очень наряден. Черная, как наваксенная сутана, и массивный, сжатый с боков зеленовато-желтый, с красным концом клюв, напоминающий средневековую секиру. Плотные пластины у основания клюва были похожи на спущенное забрало и придавали птице воинственный вид. Вдобавок ко всему голову топорка горделиво венчал плюмаж из волнистых перьев. А глаза, белые, пронзительные, были окаймлены красными веками. Ни дать ни взять — уморительный рыцарь духовного звания в полной амуниции. Без сомнения, такой оригинал побьет рекорд на любой выставке птичьих карикатур.

Но когда в каюте странная птица забилась в угол и сникла и хохол ее печально повис, она сразу же изменила свой облик. Оскорбленный вояка стал похож на мирную детскую игрушку матрешку на гусиных лапках. А странный клюв напоминал респиратор, напяленный на испуганное лицо куклы. И нам стало жаль топорка.

МЕДВЕЖЬЯ ПЛОТИНА

Как-то вместе с якутом Петром Амосовым бродили мы осенью по верховьям рек, стекающих с гор Илин-Тас. Хребет Илин-Тас служит водоразделом между рекой Омолон и рекой Колымой в среднем ее течении. Места по западному склону хребта, безлюдные и дикие, лишь изредка посещаются оленеводами и в зимнее время охотниками. Да порой какой-нибудь геолог-поисковик из разведочной партии забредет сюда.

На одном из ключей в верховье реки Сеппекинэ я обратил внимание на какое-то подобие небольшой плотины, сложенной из беспорядочно наваленных кочек, камней, бревен и комков земли. Устроенная в самом узком месте ключа с крутыми, замшелыми берегами запруда образовала небольшой затор, и вода, огибая груду камней, с шумом пробивалась сквозь него.

Ближайшие населенные пункты были очень далеко, и человеку забираться в такую даль и городить речку, чтобы поймать спускающихся осенью на зимовку хариусов, не было смысла. На естественную преграду также не было похоже. Мастак по плотинам, бобр, камней не ворочает и в этих краях не водится. В этой горной каменистой речушке с довольно быстрым течением ему не место, да и следов его пребывания нигде нет.

Я долго размышлял над этим загадочным сооружением, пока подошедший Петр, взглянув на эту бесформенную кучу среди воды, не сказал:

— Однако это эгэ[1] делай!.. Его сюда опять ходи, рыба дьарга[2] лови!..— И темные узкие глаза его лукаво заблестели.

Наша стоянка была недалеко, и я решил еще раз наведаться сюда. Через пару дней, на рассвете, я отправился к плотине. Идя вдоль берега, я увидел плывущего через залив мне навстречу медведя. Я затаился, и медведь, проплыв мимо меня буквально в нескольких метрах, пересек заливчик, вылез на берег и отправился в сторону ключа. Выждав немного, я двинулся вслед за ним и, когда приблизился к речушке, заметил самого хозяина, хлопотавшего возле своей постройки.

Присев за кусты, я начал наблюдать. Громко урча, пыхтя и шумно

---

[1] Эгэ — медведь (якут.).

[2] Дьарга — хариус (якут.).

отдуваясь, он выворачивал на берег камни, ломал валежник, сбивал кочки и все это таскал и валил в кучу, на старое место, поправляя запруду. Крошился обсосанный водой берег, плыли вниз по реке клочья травы и сучья, уносило кочки, но медведь продолжал упорно трудиться. И в самом деле, вскоре вода несколько задержалась, почти перестала течь, и образовался небольшой водоем.

Уставший медведь присел у края этого прудика и, неподвижно застыв, внимательно смотрел в воду. Когда разошлась и осела вся муть, очистилась вода и, вероятно, стало видно рыбок, поблескивавших на дне, медведь зашевелился. Близость добычи оживила его, он стремглав бросился в речку и стал выплескивать передними лапами воду на берег и швырять все, что попадется. Причем делал это он так стремительно и неуклюже, что вместе с водой полетели на берег комья земли, валежник и камни, только что им же самим так заботливо уложенные в запруду. И конечно, в образовавшиеся крупные прорехи моментально потекла вода, увлекая за собой куски плотины и всю собравшуюся в прудике рыбу.

На берегу оказались две-три рыбешки, которых медведь сразу же проглотил. Облизнувшись, он посмотрел на речку, оглянулся вокруг и, опять ворча и надрываясь, принялся за свой неблагодарный труд.

Безмолвный розовый утренник золотил тайгу. Одетые в багрянец деревья опрокинули свои тени в воду. Я шел на стоянку и думал: «До чего ж хитер и смекалист зверь!»

Мне рассказал потом Петр, что летом где-либо в мелком травянистом заливчике озера медведи так же делают запруду и ловят карасей во время икрометания.

— Весь залив перемутит, всю грязь повыбрасывает, пока одного карася поймает,— закончил он.

«СНЕЖНАЯ БАБУШКА»

Четко постукивая костяшками раздвоенных копыт, бежали олени. Мясистые розовые языки их не укладывались во рту и болтались как тряпки. Струи горячего пара вылетали из ноздрей и мелкой седой изморозью оседали на шерстистых мордах. Поскрипывали нарты.

Вот остался позади еще один залив огромного, как море, озера

Тала-Кёль, и олени вынесли нас на пригорок. Впереди, до самого горизонта, расстилалась марь. Она мало чем отличалась от оставшейся позади ровной поверхности застывшего озера. Тот же бескрайний простор, то же безмолвие. Только нет вздыбленных ледяных торосов, да начали попадаться отдельные чахлые, искривленные стужей деревца. Одинокие березки жадно цеплялись за жизнь и тянули к солнцу свои изуродованные, как бы сведенные судорогой ветви. Кое-где, едва видимые из-под снежных наметов, торчали мелкие кустики и стебли трав. Безжизненная, сияющая равнина искрилась нестерпимым для глаз блеском.

В стороне от дороги, на обитой ветром кочке, возвышалась небольшая, точно вылепленная из снега ладная фигурка. Совсем как игрушечный с круглой, как шар, головой снегур. Стоит, неподвижно вперив бездумные угольки глаз в пробегающую мимо упряжку оленей, и не шелохнется.

— Кто это вздумал поставить здесь снежную бабу? — поинтересовался я у своего каюра.— Кому это понадобилось?

До ближайшего населенного пункта было не менее десятка километров.

— А, это каар-эбэ! — пояснил мне каюр Кеша Слепцов.— Она у нас только зимой появляется. Никто ее не зовет, сама прилетает из тундры за куропатками. Летом ее не увидите, уйдет обратно на север,— добавил Кеша.

— Говорят,— помолчав, продолжал он,— что там, в тундре, каар-эбэ пользу приносит. Много мышей душит. Но здесь у нас за зиму столько куропаток и зайцев переловит, что не сочтешь. Вредная птица.

И тут вдруг снегур ожил. Всему есть своя мера, и птица, почуяв опасность, которую таила в себе приблизившаяся нарта, взмахнув крыльями, повисла в воздухе. Пролетев немного, она переместилась на другой, лежащий на равнине предмет и снова неподвижно замерла, тараща в белый свет свои большие круглые глаза.

Каар-эбэ в переводе на русский язык — снежная бабушка. Так якуты называют белую полярную сову, по-видимому, за ее спокойный нрав и сходство с вылепленной из снега бабой.

Я приготовил ружье. Раз вредная птица — церемониться не будем.

Вскоре мы вторично приблизились к сове на верный выстрел. Я приложился и спустил курок. Звучный хлопок дробным эхом покатился по

равнине и замер вдали. А снегур судорожно дернул крыльями и свалился в сторону.

Убитая полярная сова была очень красива. Чудесное, снежно-белое, с темными отметинами, оперение ее было такое пушистое, такое приятное и мягкое на ощупь, что казалось совсем невесомым. Голова круглая, без ушей. Лицо совиное, лупоглазое. А глазищи — огромные, ярко-желтые, блестящие, с большими черными зрачками. Всем своим незлобным видом она определенно напоминала приветливую седую старушонку. Метко названа: бабушка, да и все тут! И я даже пожалел, что погубил такую симпатичную птицу.

Но каюр мой Кеша был иного мнения и шумно выражал свое одобрение. Поразмыслив немного, я с ним согласился. С виду безобидная приятная внешность совы еще ничего не говорит о ее доброте и милосердном поведении в отношении птиц и зверей. Зимой она терзает всех без сожаления. Житель тундры, белая сова, с наступлением холодов и бескормицы продвигается из Заполярья к югу и кочует по всей стране. В лесу белую сову искать не надо. Даже на отдых она редко садится на деревья. Чаще для этой цели ей служит камень, кочка или еще какой-нибудь предмет, лежащий среди безбрежного снежного простора. Отсюда она ведет наблюдение за своими владениями и нападает на приблизившуюся дичь. Нередко сова, подобно мелкому соколу — пустельге, трепещет на одном месте в воздухе, высматривая добычу. Зрение у нее исключительно острое.

Южные совы считаются ночными хищниками. Но полярная сова, в отличие от своих собратьев, не боится солнечного света и с одинаковым успехом охотится как ночью, так и днем. К этому ее приучили летние белые ночи. Если бы белая сова не видела при свете и не могла охотиться днем, то за лето она умерла бы с голоду в тундре.

Полярная сова слывет у местного населения одним из лучших и умелых добытчиков дичи в суровых зимних условиях. В пойманной птице или звере она выбирает и выедает лучшие куски: глаза, мозг, мягкие части, а все остальное бросает. Остатками ее трапезы пользуются остальные любители мяса, неспособные в голодное время самостоятельно добыть себе пропитание.

Польза или вред, приносимые белой совой, весьма относительны, и учесть их трудно. Это зависит от времени года, места и наличия дичи.

Всю долгую зиму сова держится на пустынных, лишенных чего-либо живого равнинах и может длительное время голодать, не теряя сил. Эту способность подметил народ, и отсюда родилось мнение, что «снежная бабушка» питается одним только воздухом, но при этом всегда жива и здорова. «Каар-эбэ воздух глотает и сыта бывает». Эта мысль нашла свое отражение в фольклоре. Про скотину, которая всю зиму плохо кормилась и не отощала, говорят, что она терпелива, как белая сова. А про бегающих и не евших весь день ребятишек существует поговорка, что они подобно «снежной бабушке» целый день одним воздухом питаются.

Местные жители едят полярную сову, и ее мягкое жирное мясо в некоторых районах считается деликатесом.

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ

Я проходил по карьеру. Кругом грудами высились отвалы отработанной горной породы.

— Доктор! Зайдите-ка сюда! — окликнул меня знакомый забойщик, мой недавний пациент Слава. Он носил смешную, как бы в шутку данную фамилию Коржик.

— Вот полюбуйтесь, мерзлота-то с начинкой! — И Слава показал на лежащий в стороне ком земли.

Я присмотрелся. Навечно сцементированный сильными морозами пласт был весь пронизан прослойками льда. С краю глыбы виднелось какое-то накрепко вмерзшее небольшое серое, наподобие ящерицы, существо. Ясно была видна длинная фигурка и одна лапка. На мордочке торчал выпученный белый, как у мороженой рыбы, глаз.

— Откуда этот комок достали? — поинтересовался я.

— Только что из шахты. Я сам своими руками вынес. Увидел ящерку эту, ну и, понятное дело, интересно стало. Вот и вытащил!

— А с какой глубины эта порода?

— Да метров около десяти будет. Вы же знаете, доктор, есть в шахте такой участок, где пласты мерзлоты со льдом чередуются. Местами чистый лед целыми линзами лежит. Я разворотил угол, там и нашел эту малютку.

— А какой возраст этой породы? Не знаешь, Слава?

— Вчера при мне инженер говорил, что пять-шесть тысяч лет будет. Здесь на прииске «Большевик» и по всему Чай-Урьинскому управлению все торфа и пески одного возраста. От геологов слышал...

Подошли еще забойщики. Посмотрев на ком земли с начинкой, покачали головами и, поахав, отошли. За ними другие. Заглянул и художник местной газеты Лобовиков. Всех интересовало неведомое животное, оказавшееся на такой глубине. Коржик был в центре внимания и без конца рассказывал, где он нашел это диво. Не верить ему не было основания. Цвет горной породы и ее состав свидетельствовали о том, где она была добыта.

— Слава, я возьму эту находку в санчасть. Там мы разберемся, что это за зверь, ладно? И ты приходи...— предложил я.

— Ладно, доктор, забирайте. Тут в забое она все равно ни к чему. Рассыплется на солнцепеке и пропадет.

С большой предосторожностью завернув глыбку земли в мешковину и надежно прикрыв тряпочкой обнаженный бок ящерицы, я отнес эту драгоценность в больницу.

— Что это вы, коллега, самородок нашли, что ли? — смеясь, встретил меня наш ведущий хирург Константин Дмитриевич Стоянов.

— Нет, не самородок, Константин Дмитриевич, а кое-что подороже.— Я развернул свою ношу и рассказал доктору Стоянову краткую историю этой находки.

— Положите где-нибудь в тепле. Пусть растает. Посмотрим, что там за зверь такой? Только скажите, чтобы никто не трогал,— предупредил хирург.

— Я и сам так думаю. Надо сохранить такую редкость.

Когда ком земли оттаял и стал осыпаться, фигурка высвободилась, и мы увидели, что это самый обыкновенный тритон. Серый с пятнами. Хвостик сжат с боков и с кожистой оторочкой сверху и снизу. Глаза на выкате. Длина его не превышала десяти сантиметров. Он был совсем невесом. Кожица тонкая, прозрачная, и казался он хрупкой стеклянной игрушкой. Даже при легком постукивании издавал нежный мелодичный звон.

Немного погодя, тритон совсем растаял, прогрелся и... мы с удивлением увидели, как ископаемый зверек задвигался и вяло, еле шевеля

лапками, пополз. Холодная скользкая кожа его сокращалась и растягивалась. Выпученные глаза заблестели.

— Н-да! — только и промолвил Константин Дмитриевич.— А не надул ли нас Слава Коржик? Может быть, это земноводное взято где-либо на поверхности земли?

— Я сам поражаюсь, Константин Дмитриевич! Но обман исключается. По комку земли всегда можно установить, откуда он извлечен. И потом я же не один был в забое, когда Слава глыбу с тритоном из шахты вытащил.

Север богат чудесами. Колыма — классический край вечной мерзлоты. Тысячелетние льды и промерзшая на большую глубину земля, этот гигантский удивительный холодильник прекрасно сохраняет в себе веками все, что поглотит. Подчас и целые, неразложившиеся трупы гигантских доисторических животных попадаются. Прямо хоть в музей. Но чтобы во льдах уцелела и стала возможной через несколько тысячелетий сама жизнь, мы про это не слыхали. Значит, скованная морозами почва была не гробницей, а служила колыбелью этому безобидному малышу, современнику мамонта. Все это казалось до того невероятным, что не укладывалось в сознании.

Но факты упрямы. Извлеченный из земляной постели тритон очнулся, явился из своего незнаемого далека, и вот он лежит, греется. Беззвучно разевает свой алчный зубатый рот и просит пищи. Мы показали нашу находку одному зоологу.

— Это мистификация, товарищи медики! — резонно заявил он.— Вам морочат голову, а вы — мне! Откуда это современная амфибия возьмется на такой глубине? Тритончика где-то на поверхности земли нашли. Ведь сами посудите. Вы, врачи, тоже биологи и знаете, что чудес на свете не бывает. Если признать, что ваш тритон в течение многих веков находился в состоянии анабиоза, то есть в таком состоянии, когда все жизненные процессы замедлены до предела или почти, я говорю почти, полностью приостановлены, значит надо верить в то, что жизнь в нем, в этом земноводном, все же теплилась несколько тысяч лет. И тогда все наши понятия о законах природы идут насмарку. Анабиоз, или зимняя спячка, предстает перед нами, биологами, в ином свете. Это неисследованная, полная неожиданных и коварных сюрпризов романтическая целина. Белое пятно в науке. И вы, товарищи, сделали удивительное от-

крытие. Но мы знаем,— добавил он,— что при полном промерзании тела, ниже всех возможных пределов, в жидкостях образуются кристаллики льда. Структура клетки и тканей организма настолько меняется, что возникают необратимые процессы. Наступает настоящая, а не мнимая смерть, и жизнь тогда безусловно не возвращается. Считать, что тритон был мертв и ожил через такой огромный промежуток времени, значит поверить в воскрешение! Нет, этого не может быть. Не верю!

Мы сами понимали, что чудес на свете не бывает. Это верно. Лобовые доказательства биолога били без промаха. Но тритон-то живой! Все его подавленные, но не исчезнувшие инстинкты проявились. Он стал принимать и глотать комаров и их личинки. Он передвигался, но только слишком медленно. Проползет два-три шага и отдохнет. И вообще вел себя вяло. Известно, что тритоны никогда прыткостью ящериц не отличались. Кто бывал на юге, знает, как ящерицы бегают,— не уследишь. А наш воскресший пучеглазый уродец был сверх меры инертен и к тому же молчалив.

Его прямой хозяин, Слава Коржик, наведывался ежедневно и приносил иждивенцу столько комаров, что можно было бы накормить слона. Большую часть Славиных приношений поглощал мусорный ящик.

Как попал тритон в шахту на такую глубину, остается загадкой. Мы знали, что теплое время года все тритоны проводят в стоячей неглубокой воде, в каком-либо заросшем озерке или болотце. Тут же мечется икра, из которой выводятся мальки. Взрослыми тритоны становятся через три-четыре года жизни. Питаются тритоны мелкими насекомыми, в основном комарами и их личинками, чем приносят несомненную пользу.

На севере, в сентябре, когда начинаются заморозки, тритоны выползают на сушу, забиваются куда-либо в нору, под корягу, в мох и обмирают на всю долгую зиму. Это одна из важных древних форм приспособления организма при переходе от водного к наземному образу жизни. Живет тритон до двадцати лет. Водится он и на Колыме.

Какая сила в далекие времена занесла это крошечное животное на такую глубину и, сковав морозом, продлила его сон или жизнь на несколько тысяч лет — неизвестно. Тайна осталась неразгаданной.

Наш необычный постоялец протянул все лето. Ближе к осени он стал еще менее активен и постепенно угасал. Поздней осенью он окончательно затих. Сомкнул свою зубатую пасть, перестал шевелиться и выбыл

навсегда из сложной жизненной игры. И это была уже не мнимая, а настоящая смерть. Ничто не могло воскресить это странное создание. Задержав свою кончину на несколько тысяч лет, он все же умер.

В том же Чай-Урьинском управлении, на прииске «Комсомолец», в годы Великой Отечественной войны, в шурфе, на глубине около семи метров, геологи также нашли оцепенелого тритона. Подобно нашему, он был замурован в крепкую, мерзлую породу и казался трупом. Оживший тритон жил у геологов несколько месяцев, питался комарами и их личинками и к зиме околел.

Поразительная способность нашей занятной амфибии — хвостатого тритона веками сохранять при самой низкой температуре все свойства жизни долго не давала нам покоя. Говорили мы об этом без конца, и пищи для ума хватало. Вслед за необычным фактом назревали десятки новых мыслей. Какое все-таки чудо жизнь! Где же граница живого и мертвого, где предел?

РОЗОВЫЕ КУРОПАТКИ

Большое красное солнце, слегка показавшись за гривкой леса, медленно поплыло по стылому горизонту. Подниматься ввысь оно и не собиралось. Стоял декабрь, и дня по существу не было. Утренняя заря, разгораясь к полудню, вскоре сменялась вечерней, и снова начиналась нескончаемая ночь. Лишь полыхает в небесах и тянет свои лучи в зенит северное сияние.

Просторная луговина, поросшая отдельными кустиками тальника, вся укрыта снегом. Розовый утренник окрасил ее в нежные тона. Повсюду, на кустах и по надувам, утрамбованным ветрами, между поникшими ветвями, облепленными снегом, как ватой, сидели куропатки. Они завтракали: лакомились почками и молодыми побегами. Семенящие следы мохнатых лапок бороздили белую пелену вдоль и поперек. И так же, как и окружающий фон, птицы были окрашены в теплый розовый цвет. Они были невидимы, эти сказочные розовые куропатки. И только черные точки глаз, внимательно следящие за пришельцем, выдавали их.

Всю зиму с ноября по апрель в среднем течении реки Колымы, в широтах с низким солнцестоянием, стаи куропаток состоят из изумительно красивых розовых птиц. На их оперении играет отсвет неповтори-

мых северных зорь. Ярче всего нежно-розовые тона проявляются на груди и спине самцов. Самочки выглядят бледнее. Это их обычный сезонный зимний наряд, защитная окраска оперения.

Существует мнение, что розовый цвет сверхчуткого пера живой куропатки при гибели птицы сразу же исчезает. Буквально на глазах человека куропатка делается белой. Это неправильно. Интенсивная розовая окраска оперения живой птицы не исчезает долгое время и после ее смерти. Независимо от способа добычи и места хранения заготовленной дичи куропатки остаются розовыми. И только длительное воздействие солнечных лучей с течением времени обесцвечивает перо мертвой птицы.

Ученые знают, что появление розового цвета в зимнем оперении куропатки связано с наличием оранжево-красного пигмента, содержащегося в секрете копчиковой железы и используемого птицей для смазки пера. Зимой это явление оказывается как раз кстати. Перо делается розовым, и снег в низких широтах имеет в себе розовые тона. Мимикрия под цвет снега.

Ранней весной самец-куропач, оставаясь по-прежнему белым, меняет окраску головы на яркую медно-красную. Он бесподобно красив в этом своем брачном оперении. Вот он сидит, тугоперый франт, красуется возле своей подруги. Голова в блестящем капюшоне гордо закинута назад. Мясистые брови налиты киноварью.

— Пап-па-па-па-паа! — жутким, басовито-раскатистым смехом гремит петушок на всю долину. Услужливое эхо множит и дробит этот задорный призывный крик. Певец славит весну, поет свою брачную песню и бдительно охраняет свои владения. Пока заботливая курочка занята розыском ямки в земле и устройством гнезда, самец стережет ее покой. В трагический момент он, не считаясь с жизнью, смело берет на себя всю опасность и отводит врага от гнезда.

Охраняет он подругу и тогда, когда в гнезде появятся пестрые яички и самка начнет их насиживать. А когда вылупятся птенцы, самец присоединяется к выводку или же держится вблизи и, охраняя все семейство, кочует вместе с ними по перелескам.

А поменьше размером — тундряная куропатка, близкий родич белой, окрашена проще. Зимой она розовой не бывает. И еще черная ленточка через глаз у самцов да малый рост отличает ее от обычной куропатки. И живет эта мелкая куропатка не по долинам рек и ключей и не по зарос-

лям тальника, а в сухих тундрах и предпочитает склоны гор, поросшие лиственничным редколесьем. Кричат они также иначе.

— Какрыарр! Какрыарр! Какрыарр! — то и дело слышится в апреле и мае по склонам гор. Это безудержно, взахлеб, поет на рассвете свою весеннюю песню тундряная куропатка. Якутское название дано ей тоже по крику: какрыар.

ЩУКА-ГИГАНТ

Есть такие таежные озера на Колыме: точно синие глаза среди дремучей чащи поблескивают. Вода в них холодная, чистая, отдает голубизной и стоит тихо, спокойно. Лишь изредка поверху пройдет ветерок и зарябит зеркальную гладь. Плавучие островки из растительных остатков (кута по-местному), прибежище чаек, гуляют по просторам.

Берега у таких озер обрывистые, заросли непролазной тайгой, и прибрежный тальник полощет свои ветви в прохладных струях. Подойдешь, посмотришь вниз — голова закружится. Вода как стекло, видно насквозь, и чувствуется глубина непомерная. Где-то там, во мраке, теряется мертвенно-голубой, изрытый пещерами ледяной отвес. А над ним сверху тонкий слой земли и зеленый бордюр.

Большинство озер на Колыме термокарстового происхождения. В незапамятные времена в недрах земли подтаяла ледяная линза. Вода ушла и унесла все растворимые породы. Образовалась пустота. Мощный пласт вместе с растущими деревьями и кустарником осел и рухнул в глубокую впадину. Этот провал заполнился водой. Так образовалось озеро. Никаких проток, каналов или ручьев, связывающих его с другими водоемами, на прилегающей поверхности земли нет. И совершенно неизвестно, какими путями попала сюда рыба, а водится она во множестве и всякая. Надо думать, что были когда-то протоки и виски[1], да усохли. Рыба зашла и осталась в озере навсегда. Огромный естественный заповедник выращивает в своих недоступных глубинах поколение за поколением. Сети рыбака туда не проникают. И не один десяток лет прячутся и растут в этих тайниках многие виды рыб.

У причудливо изогнутого подковой, с изрезанными крутыми берега-

[1] Виска — маленькая протока, соединяющая озера (якут.).

ми озера Огустах я встретил старого рыбака Николая Андреевича Кривошапкина. Он накануне приехал, захватив с собой сети и прочую немудреную снасть, и намеревался здесь основательно порыбачить. Вода подобрела, и рыбе ход будет.

Водился тут прославленный озерный чир — мунгур. Неплохо ловилась перлядка. Наведывался и налим — эта холоднокровная подводная свинья с огромной, во все брюхо, печенью. Свирепствовала щука.

Этот прожорливый хищник по весне, в брачный праздник, кочует по заросшему травой мелководью и заливным лугам. После таких прогулок глаз рыбака видит — тянутся за травой желтые узкие ленты щучьей икры. Отметалась разбойница. Полощет икру вода, овевает ветерок, поедает рыба, клюет птица. И все равно водяной пират не переводится. Выведутся щурята, скатятся в реку или озеро и заживут в свое удовольствие.

Заночевали мы вместе. Солнце наискось опустилось за лобастые сопки. Алыми парусами плывут на западе облака. Дневная жара спала, и истомленные зноем деревья и кусты ожили. Душистым ароматом потянуло с луга. Стаи пичуг в кустах и на отмели устроились на ночлег. Настали сумерки — недолгая белая ночь.

В прибрежных зарослях засвистел, защелкал северный певец — соловей-красношейка. Крупная рыбина всплеснула, шлепнула хвостом по воде, точно кто кувалдой хватил или камень бросил, и опять нырнула. Ушла в свое подводное царство. Пенясь, медленно расходились широкие круги.

Стелются над озером седые космы вечернего тумана. Великолепная, настоящая уха, заправленная дымком, кипит в котелке. У каждого костра свой запах. Но рыбацкий пахнет неповторимо, особо.

Собственно говоря, между охотником и рыбаком мало разницы. Это родные братья по своей натуре и неизбывной любви к природе. Два сапога пара. Только первый всегда в движении, энергичен и начинен до отказа охотничьими рассказами. Через две минуты после знакомства он становится вам лучшим другом и рад всегда помочь. Настоящий охотник, любящий природу, всегда отзывчив.

Рыболов не так оживлен и более молчалив, более замкнут. Профессия накладывает свой отпечаток. Но в душе у него тот же вулкан страстей. В азарте рыбной ловли он так же, как и охотник, забывает все и вся.

Настоящий рыбак и в мыслях не держит, чтобы съесть свой улов. Ему лишь бы поймать, а там — хоть опять выпускай.

И побудьте с рыбаком на рыбалке. Сумейте расшевелить его в тихий задумчивый вечер. Да еще, если фляжка не пуста... Вы услышите такое!..

Когда, как и на каком озере «навалом» ловились караси величиной с блюдо. Какая огромная и черная была тысячелетняя щука с вросшей в спину когтистой лапой орла. Как вся заимка отравилась, поев ядовитого мяса осетра: не выдернули клейкую пленку «хатыс-бууга» из тела. И как... Бывальщина сменяется небывальщиной. Фантазия котируется наравне с правдой... А костер горит, чайник похлопывает крышкой, и такая стоит тишина, такая прелесть кругом, что и шевелиться не хочется.

Мой сосед по костру был настоящий, дотошный рыбак. По виду дед, но безбородый. Глаза черные, вприщур. Буйная шевелюра прямых черных, тронутых серебром волос, как шапка, прикрывает голову. Сидит, попивает чаек, пыхтит трубочкой, без конца заряжает ее и все колдует, приговаривает. Выражение задумчивости не сходит с его лица.

— Раньше здесь, в этом озере, большие щуки водились,— рассказывал Николай Андреевич.— Силы были неимоверной. Один раз, я еще молод был, пришли сюда люди порыбачить. Видят на берегу, вон там у рыжей отмели, сохатый молодой лежит. Уже весь испортился, воняет. А ему в морду щука страшная, чуть поменьше ветки[1] будет, зубами вцепилась. Из воды наполовину вылезла и тоже сгнила.

Подивились люди, разобрались, поняли. Ротозей сохатый зашел в воду напиться. А она, жадина, его за губы и цапнула. Хотела вглубь утянуть. Сохатый — силен зверь, уперся, да и выволок щуку на берег. Промашку дала рыба. Челюстей она не разжала, расцепиться они не смогли, так и пропали. Оба легли рядышком.

— Слышал я эти россказни, Николай Андреевич, да что-то не верится. Это какое же чудовище должно быть, чтобы лося утащить в воду?

— Не знаю. Сам не видел. Люди сказывали. Говорят, что от этой щуки челюсть на попа поставили и под ней, как в ворота, свободно, не пригибаясь, мог пройти человек.

— Так что же это? Выходит, щука с акулу ростом, если одна голова до двух метров вымахает?

---

[1] Ветка — небольшая лодка (якут.).

— Может быть. Может быть,— уклончиво ответил старик.— Люди зря не скажут. Значит, правда.

— Щука у нас считается — самый низкий сорт рыбы. Самая последняя еда сухая щука,— немного помолчав, добавил рыбак.— Но вообще она долго, очень долго живет и бывает больше всех рыб. Вся седая станет, мохом обрастет, ракушками. Голова накипью, точно чайник, покроется. А без конца буянит. Хитрая и жрет что попало. Как что живое увидит, пасть раскроет и — хвать! Утят глотает целиком, а не тянет за лапки, как некоторые думают. Клацнет зубами — и нет утенка. Сам видел. И если нет другой пищи, своих щурят, которые послабее, гробит. Но сейчас таких больших щук здесь нет. Давно не слышно. Приходили раньше из других озер, да перестали. Ведь это озерко, с крутыми берегами, колиё по-нашему зовется, под землей соединяется с другими. Никаких проток, сами видите, нет. Но когда воды в озерах много, и здесь полно. Какая рыба там водится, такая и сюда заходит.

— Подземный ход есть? Неужели правда?

— Правда, правда! Народ все знает! — горячо убеждал меня старик.— Откуда же рыба одинаковая и воды всегда поровну? И еще скажу. Почему-то мороз это колиё не берет. Только в декабре, в самые холода, оно покрывается льдом. Прорубь сделаешь — вода вверх бьет. Большой тарын[1] нальет. У нас озера, всегда полные воды, толбут называются. А если вода уходит и озеро мелеет — уолбут.

Я призадумался. Таинственные каналы под землей? Озера-близнецы, разделенные крутыми холмами, поросшими лесом? Какое-то странное поведение воды зимой и неведомые силы, выжимающие ее? Все это было очень интересно...

Долго еще, сидя у костра, слушал я рассказы о диковинных рыбах и озерах с «живой водой». Рожденные неистощимой фантазией рассказчика, обитатели глубин наделялись характерами. И везде выводилась своя мораль.

Наутро, хорошенько выспавшись, я тронулся в путь. С Кривошапкиным договорился, что через три-четыре дня вернусь. Переплыв озеро Огустах волоком, как «из варяг в греки», перетащил по таежной тропе свою легкую лодку в другое озеро, потом в третье и так далее. К полу-

[1] Тарын — наледь (якут.).

дню передо мною широкой лентой заблестела желанная Колыма. Здесь течение подхватило мою лодчонку, и я, почти не шевеля веслом, понесся вниз.

Через несколько дней, закончив дела, я той же дорогой пробирался обратно. С озера на озеро, от волока до волока доплыл я до последней водной преграды. На озере Огустах, по договоренности с правлением колхоза, меня должны были ждать лошади.

Быстро перемахнув последний перегон, застаю такую картину. Лошади, как и должно было быть, стреноженные пасутся на лугу. Чернявый хлопец — каюр, пришедший с лошадьми, сидит у огонька и строгает палочку. А старый рыбак, что-то ворча себе под нос, спешно сматывает сети и укладывается в путь. И вид у него мрачный.

— Куда это вы, Николай Андреевич, собрались? Ведь, кажется, хотели здесь пожить недели две, порыбачить? Или рыба не ловится?

— Ловится! Почему не ловится? — сердито забормотал Кривошапкин.— Да ловить ее нельзя. Опасно!

— Опасно? Что случилось? — недоумевающе спросил я.

— Деду черт в озере привидился! — улыбаясь, ответил парень.

— Не болтай! — вспылил старик.

— Нет, правда, Николай Андреевич, что здесь было? Расскажите...

Взволнованный старик наконец рассказал:

— Опять щука большая появилась. Боюсь. Лучше уеду на другое озеро. Перекочую, пока транспорт есть.

— Сами знаете, всякий рыбак, имея лодку и сети, не станет сидеть на берегу. И вот сегодня, когда я поплыл ставить сеть, вон туда к мыску,— он махнул рукой,— вижу в воде черное бревно лежит. Точно балан какой вытянулся. Стоит неподвижно. Не тонет и не всплывает. Присмотрелся лучше, а это щука. Греется на солнце по утрянке. Метра три будет. Не успел я повернуть, как она раз — и кувырнулась! Исчезла в момент. Ушла в глубину. Только лодку качнуло так, что бортами черпать начала. Я сразу же обратно к берегу и стал собираться. Нельзя тут рыбачить. Утопит. Верное слово, утопит! Бог с ним, с этим богатым озером...— закончил встревоженный старик.

Значит, где-то, в каких-то тайниках и колдобинах еще скрываются щуки-великаны? Я знал, что сквозь воду любой предмет значительно увеличивается в объеме. Да к тому же у страха глаза велики! Но даже

если уменьшить размер щуки, напугавшей рыбака, в два раза, и то будет величина немалая. И к тому же не верить пожилому человеку нельзя. Напрасно любимую рыбалку не бросают.

— А где вам повстречалось это чудище?

— Вон там, у того мыса. С полкилометра будет!

Пока рыбак укладывал свои снасти и слушал язвительные реплики не верящего ни во что каюра, я соблазнился и пошел по тропке вдоль берега.

Вскоре я добрался до вдающегося в озеро полуострова. Густым частоколом стоят, окружая полноводную чащу, лиственницы. Кусты тальника свесились над водой. Спящее озеро не шелохнется.

Я подошел к самой кромке берега и, прикрыв ладонью глаза, стал смотреть вниз. Вода изумительно прозрачна. Вертикально обрывался берег, а глубже мерцала и терялась во мраке зеленовато-синяя ледяная стена с темнеющим гротом. Казалось, что дна нет.

И вдруг... Я ясно увидел. Прямо под ногами, у самой поверхности воды, из-под нависшего козырька медленно выдвинулась большущая плоская морда щуки. Глаза ее, размером с дно стакана, полные неумолимой жестокости, смотрели вверх, прямо на меня и пылали холодным загадочным огнем. Какие-то зеленые мохнатые нити струились вдоль черепа. Остальная часть тела страшного хищника была скрыта под береговым навесом в ледяной пещере. Попасть такому страшилищу в пасть? Ужас!

Мгновенно сработал непостижимый гипноз страха. Я вскрикнул. Невероятных размеров голова чудовища пошевелилась и степенно без молниеносных скачков ретировалась обратно. Она была у себя дома. И опять внизу осталась мертвая ледяная скала с зияющими провалами. Ни следа, ни отзвука, ни малейшего волнения. Точно и не было исполинской рыбьей морды.

— Померещилось, что ли? — спросил я сам себя.— Нет, наяву! Сердце подсказывало, что это правда, и гулко колотилось. Тревожное воспоминание прочно легло в душу.

— Да, Николай Андреевич, вы правду говорили. Лучше рыбачить в другом озере. Здесь опасно.

— Однако щуку видели? — догадался старик.

Я кивнул головой.

ПРИЕМЫШ

На опушке рощи, среди редколесья, в густом кусте жимолости мы обнаружили гнездо сорокопута-жулана. Птица уже начала насиживать. Пять песочного цвета яичек, с венчиком из буроватых и серых пятен на тупом конце, лежали в гнезде. Но одно заметно отличалось от других. Оно казалось чуть длиннее, и редкие пятнышки на зеленоватом фоне были равномерно разбросаны по всему яйцу.

Через десять дней вывелись птенцы, причем первым вылупился птенец из странного яйца. Выглядел он солиднее своих собратьев и занимал больше всех места. Казалось, что ему всегда тесно. Через два дня в гнезде сидело уже только три птенца, а еще через два дня остался только один первенец. Теперь заботливые родители-сорокопуты всю свою энергию по добыче корма тратили только на него одного. А есть ненасытному птенцу надо было много, и он рос не по дням, а по часам и без конца разевал свой огромный рот.

Так появился и завоевал свое право на жизнь кукушонок. Пришло время, когда большой, не помещавшийся в гнезде обжора, переместился на соседнюю ветку. И странно было видеть, когда мама-сорокопут, сопровождая это большеротое, с глазами навыкате, чудовище с дерева на дерево, совала ему в широко раскрытую пасть свою голову с каким-нибудь кузнечиком в клюве и подкармливала его.

— Йи, ий, йи...— дребезжащим голосом, напоминающим писк вертишейки, кричал этот нескладный жилистый уродец, завидя свою кормилицу. При этом он дрожал и, взъерошив перья, налетал на принесшую корм птичку.

Прошел месяц. Приемыш достаточно возмужал и окреп для того, чтобы вести самостоятельный образ жизни. Тогда он поднялся и полетел в соседнюю березовую рощу, ни разу не оглянувшись на родной кустик и приемных родителей, воспитавших его. В них он больше не нуждался.

У нас на Севере живет два вида кукушек. Обыкновенная и глухая. Первая — популярная в народе птица, знакома всем и прочно вошла в фольклор. Про нее поют песни, слагают басни, она фигурирует в сказках. Нашу речь украшает много пословиц и поговорок, где подмечается нрав и поведение кукушки. По приметам прилет кукушки связывают с погодой. Появляется она у нас, когда начинает оживать и распускаться

лиственница. В Якутии задушевный голос кукушки считается самым приятным пением.

Глухая кукушка мало известна. Внешне, в полевых условиях, она не отличима от обыкновенной. Ее трехсложное «ду-ду-ду» слышали все. В народе говорят, что она «зовет комаров».

По своим вороватым повадкам кукушки почти не отличаются друг от друга. Обе они утратили материнский инстинкт и своих гнезд не делают. Обе для вывода птенцов пользуются услугами других птиц. Для того чтобы выросла одна кукушка, должен погибнуть целый выводок мелких птиц.

Обычно каждая кукушка кладет яйца в гнезда одних и тех же птиц и как бы применяется к ним. В Европе и Азии насчитывается до 160 видов птиц, гнездами которых пользуются кукушки. От мелкой пеночки до крупного дрозда все птицы ценой гибели своих птенцов становятся приемными родителями кукушат. Но этот паразитический способ сохранения вида целиком компенсируется той огромной пользой, которую приносит кукушка нашему лесному хозяйству уничтожением волосатых гусениц. Другие птицы этих гусениц не едят.

ОРЕЛ-ОБЖОРА

На просторной луговине, среди скалистых утесов лежал павший олень. Стая воронья не заставила себя долго ждать. Обсыпав падаль, птицы в первую очередь выклевали ему глаза — любимое лакомое блюдо всех ворон. Потом принялись за мягкие части.

Но тут поживу заметил паривший в небе орел. С огромной высоты зорким глазом увидел он лежащего оленя и пирующих ворон. Полукруг неподвижно распростертых двухметровых крыльев сложился. Стремительно орел бросился вниз, чтобы завладеть добычей.

За несколько метров от земли он снова расправил свои большие крылья и плавно опустился на тушу оленя.

Галдящее воронье сразу же почтительно уступило место и расселось вокруг на приличном расстоянии. Они терпеливо ждали, когда их важный сотрапезник насытится и можно будет доесть остатки. Олень крупный, мяса всем хватит.

А проголодавшийся орел все ел и ел, просто обжирался олениной. Вскоре к нему подсел второй орел, и пирушка продолжалась.

Следует сказать, что орел-беркут не падальник и вообще большой гурман. Ему по вкусу только свежее мясо. Добывая пищу, он охотится на разных зверей и птиц, мясом которых и питается. С этой же целью беркут нередко нападает на молодых оленят. Но когда нет дичи, он выискивает и поедает свежих, не успевших разложиться павших животных.

Прилетают беркуты на Колыму рано, в начале апреля. Кругом все еще в снегу, и найти себе пропитание в это время нелегко. Появившиеся в конце зимы орлы часто посещают свалочные места близ селений человека. Вместе с воронами они выполняют роль ассенизаторов, подбирают остатки пищи и поедают всякую всячину, очищая территорию от ненужных отбросов.

В большом количестве собираются орлы весной на коралях, где производился зимний забой оленей. Там всегда есть чем поживиться.

Я объезжал верхом на олене-учике[1] стада, где проводился текущий медицинский осмотр семей пастухов. В долине Улахан-Ногаин издалека заметил двух орлов, сидящих на каком-то предмете, и рядом стаю ворон. Зная, что во время гона случается падеж оленей (а где вороны, там и падаль), я поспешил туда. Приблизившись, сразу оценил обстановку: павший олень, терзающие его орлы и с десяток ворон поодаль в ожидании своей очереди.

Вот уже до них осталось метров с полсотни, а орлы все еще продолжали отдирать куски мяса со спины и ребер и не взлетали. И когда осталось всего метров 25—30, один беркут приподнялся и, тяжело переступая с ноги на ногу, разбежался, взмахнул крыльями и стал набирать высоту. Вскоре он поднялся вверх, мелькнул над зубчатой расселиной и исчез за краем выступа. Там, где-то за грядой отвесных утесов, на краю бездны, было у орлов многолетнее гнездо.

Забеспокоились и вороны: один за другим, легко подскакивая, они стали недовольно покидать облюбованное место.

Но второй орел продолжал упорно сидеть на туше оленя, добрая половина которого была уже уничтожена. Низко пригнувшись, он злобно посматривал на меня из-под нахмуренных плоских бровей немигаю-

[1] Учик — верховой олень (якут.).

щими круглыми глазами. Да так вызывающе, что, честное слово, мне стало не по себе!

Всегда висящий наготове «Зоркий» очень удачно увековечил этот редкий кадр. Застрелить птицу не хотелось. Времени для препарирования беркута совершенно не было. Бессмысленное же убийство никто никогда не оправдывал. Кроме того, в стаде, где я остановился, большинство пастухов-оленеводов были якуты, а по верованиям якутов уничтожение орла считается недопустимым и даже грешным делом.

Когда я оказался буквально рядом, орел-обжора наконец грузно сполз с оленя и с отяжелевшим, переполненным животом заковылял, вздрагивая крыльями, в сторону. Взлететь он не мог.

Красивая, гордая птица всем своим видом давала понять, что лишь презрение, а не страх к непрошеному гостю, мешающему трапезе, заставляет его отойти.

Мелькнула мысль: «А не плохо было бы взять беркута живым. Можно попытаться. Кусок прочной бечевы, чтобы связать добычу, в запасе всегда найдется».

Соскочив с оленя и держа его за повод, я решил схватить орла сзади за растопыренные крылья. Мощный толчок твердого крыла по руке был ответом на мою дерзость. Хорошо, что я вовремя успел отстраниться, иначе получил бы еще в придачу и удар клювом. Птица явно собиралась бороться за свою независимость и готовилась отразить любое нападение. Холодная угроза светилась в глазах, перья на затылке взъерошились, большой жадный клюв злобно раскрылся.

Не оставив своей затеи, я снял куртку и хотел набросить ее на беркута, чтобы парализовать все удары. Но при второй неумелой попытке взять орла живьем он затрепыхался и, обороняясь, стал с наскока бить меня крыльями, рассек клювом руку и вцепился сильными когтями в бедро. Острые когти, прорвав ткань одежды, глубоко вонзились в тело. Стало нестерпимо больно. Куртка полетела в сторону. Теперь уже роли переменились, и я стал отбиваться от мертвой хватки рассвирепевшего хищника. Я едва успевал увертываться и защищать рукой лицо от обрушившихся на меня ударов великана орла. А он наседал. Глаза его налились жаждой мщения. Он брал реванш.

Вести оборону мне мешал поводок от учика, который я держал в руке. Бросить же его и отпустить верхового оленя это означало, что

через минуту его здесь не увидишь. Полудикий олень — не лошадь. А до стоянки не близко, придется шагать и шагать.

В конце концов, приложив немало усилий, весь израненный, я с большим трудом отцепился от разъяренного орла. Он же, как первоклассный боец, без единой царапины, отвалил в сторону. Тяжело дыша, беркут вприпрыжку, помахивая крыльями, пробежал несколько шагов и снова, сложив крылья, перо к перу, присел. Подняться в воздух он так и не мог.

Больше я не трогал этого свирепого обжору. Следы поединка с орлом я носил на теле не один день.

РЮМ

Зима на исходе. Во всем — в беспредельной, хрустальной голубизне неба, в ласковом пригреве солнышка и в свисающих с крыш сосульках — чувствуется грядущая весна. Да, она близко. Сугробы осели, обмякли, снега все меньше и меньше становится. Сбросил красные колпачки и оделся пушистыми барашками первенец весны — тальник.

Идет пролет птиц. Первыми открывают весеннее шествие жители Арктики — белоснежные пуночки. Целыми ватагами носятся они по площадям и дорогам, сверкая прозрачными серебристыми крылышками. Во множестве скопляются у скотных дворов, на фермах.

Вместе с пуночками, только чуть позже, появляются у нас небольшие, скромно оперенные, серовато-бурые птички. Так же как и пуночки, бегают они впереди путника по укатанным зимним дорогам. Иногда перекликаясь, издают протяжный, с металлическим оттенком высокий посвист.

Забавно принарядилась эта птичка, празднуя весну.

— Точно в маске карнавальный чертик с рожками,— определили ее юные натуралисты. И действительно, у этого, с виду невзрачного спутника пуночки, щеки и горлышко золотисто-желтого цвета, поперек груди черная перевязь. А голова прикрыта черной шапочкой и по бокам картинно торчат вверх острые завитки перьев. И впрямь, рожки! И усы черные по всем правилам.

Назвали эту птицу в науке рогатым жаворонком, а в народе просто

говорят — рюм. На Севере массовый пролет этого жаворонка бывает обычно накануне появления первых косяков гусей. Рюм является как бы предвестником их прилета. Местные жители, отмечая эту особенность, называют рогатого жаворонка гусиной птичкой.

— Скоро гусь пойдет, уже гонцов прислал! — говорят охотники, завидев стайки гусиных птичек на дороге.

Забавное украшение на голове — рожки — носят как самцы, так и самки. Только у самочек они чуть покороче. На задних пальцах ног у рюма, как и у всех жаворонков,— длинные кривые шпоры.

Живет и гнездится рюм в Заполярье, в сухой высокой лишайниковой тундре. И до конца мая ему надо обязательно добраться до родных мест. Лето короткое, и времени для вывода птенцов в обрез.

Рогатый жаворонок — птица насекомоядная. Но на пролете, когда везде еще лежит снег и насекомые не проснулись, он кормится семенами различных трав, подбирая их с земли. Рюм очищает наши поля и огороды от сорняков. По прилете в родную тундру он первое время довольствуется семенами и прошлогодними ягодами. С таянием снега переключается на основной корм: насекомых и мелких улиток.

Петь наша рогатая птичка не мастер и не такой голосистый певец, как его близкий сородич полевой жаворонок. Песня рюма отрывистая, ниже, короче и беднее звуками, чем заливистые трели полевого жаворонка. Поет рюм обычно сидя на земле или на берегу и лишь иногда взлетает с песней невысоко в воздух.

РОСОМАХА

— SOS!!! — пронеслось в эфире.

— SOS!!! — еще раз безнадежно послал в пространство радист и выскочил из кабины. Координаты не были сообщены. Сбившийся с курса, весь израненный и потерявший управление, самолет падал.

Бешеная пляска ветра со снегом подхватила человека, рванула парашют и, завертев в воздухе, понесла в темноту. Жгучий вихрь сорвал дыхание. Внизу, как и вверху, выла и свирепствовала пурга.

Казалось, совсем рядом ослепительным смерчем пронесся вниз горящий самолет и рухнул на землю, ломая ветви деревьев. Стало светло.

Как на экране, отразились пылающие останки крылатой машины, причудливые заснеженные деревья и пляшущие тени.

На востоке едва приметной синевой обозначился куцый зимний день. Светало. Полярная ночь уже кончилась, и безмолвный розовый утренник оживил пейзаж. Снег, валивший несколько дней, перестал. Пушистая легкая пелена покрыла вчерашний след человека. Но все же он не потерял свой резкий, ни с чем не сравнимый запах человечины.

Росомаха поднялась, потянулась, фыркнула и, принюхиваясь к знакомому следу, отправилась в путь. Вначале запах этого человека показался ей каким-то чужим, непонятным и даже опасным. Очень странный и нездешний был он. Те люди, с которыми ей приходилось встречаться раньше, пахли по-другому и вели себя совсем иначе. Росомаха была очень памятлива. Один раз охотник-эвен влепил ей в бок порцию свинца, после чего она умчалась огромными скачками и, перевалив в несколько приемов неприступный хребет, долго зализывала свои раны. Другая встреча с геологом из поисковой партии тоже чуть не стоила ей жизни. Но, к счастью, он промахнулся, и только порыв горячего ветра громыхнул над головой. После этого опытная зверюга вообще стала избегать двуногих с блестящими палками в руках. И только, чтобы удовлетворить свое природное любопытство, всегда посещала стоянки человека и издали следила за людьми.

Но этот человек был не такой, как все, и крайне заинтересовал ее. И росомаха, не зная, насколько он опасен, третий день плелась за темной фигурой на приличном расстоянии. Шел человек неизвестно куда, и следы его неимоверно петляли. Нигде ничего этот путник не ел, и на его остановках, которые росомаха тщательно проверяла, она не обнаружила ни одной консервной банки, ни косточки, ни даже крошек хлеба. Он даже не разводил костра, несмотря на то, что, казалось, даже воздух оледенел от страшного холода и клещи мороза охватили съежившуюся, с ледяными сосульками фигуру.

По всей вероятности, человек этот был очень голоден. Завидев дятла, хлопотливо долбившего сухое дерево, он выломал палку и пытался убить птицу. Люди так не охотятся. Росомаха видела, как обезумевшими от неудачи глазами смотрел этот горемыка на улетевший крохотный кусочек мяса и с дикой улыбкой заковылял дальше.

Одет этот пришелец был также не по-здешнему. Весь в блестящей черной коже, а на ногах огромные, бороздящие снег меховые сапоги. В одном месте росомаха обнаружила и тщательно обнюхала большую кожаную рукавицу. Пахло горелым. Странно было слышать, как временами он останавливался и, оборотясь, грозился и сыпал ругательствами в ту сторону, откуда он пришел и откуда несло зловещим дымом.

Вообще, росомаха никогда не охотилась за людьми. Она довольствовалась всяким зверьем, живущим в тайге, грабила запасы охотников и собирала отбросы. На брошенных стоянках и привалах она всегда перенюхает все тряпье, все бумажки и найдет, чем поживиться. Рисковать прямым нападением на человека она и не думала. Исход сомнителен. Это не беззащитный олененок, глупо копытящий снег под предательски нависшим деревом.

Излюбленным приемом росомахи было засесть где-либо на стволе накренившегося дерева над оленьей тропой и, предварительно покропив для приманки мочой снег под деревом, терпеливо выжидать своей жертвы. Бурая окраска ее шерсти как нельзя лучше подходила к буровато-серой коре лиственницы и делала росомаху незаметной. Реже она брала в угон. Это с виду грузное и неуклюжее животное, на коротких разлапистых ногах бегало быстро и неутомимо, свободно покрывая десятки километров. Наст держит хорошо — лапы широкие. Лишь длинная шерсть снег заметает. Но последнее время росомаха отощала. Целый месяц жила впроголодь. За три дня всего один мышонок, пойманный под снегом. А тут показалась эта странная фигура, и она начала скрадывать добычу. Инстинкт подсказывал, что сытная еда обеспечена. Росомаха уже примеривала оставшийся отрезок времени.

А человек шел. С тлеющей надеждой на спасение, стиснув до боли зубы, упрямо шел, бороздил унтами снег.

«Есть же предел этой бесконечной тайге? И не может быть, что она безлюдна? Дойду!» — уверенно думал он. И шел.

Снегопад уже утих, и наступили ясные дни. Днем солнце косо ползло по горизонту и освещало путь. Это несколько облегчало. Край, скованный всю долгую зиму тьмой, был незнаком пилоту. Он здесь впервые. Ураган занес неведомо куда...

Мучительно раздумывая над взятым направлением, он старался представить себе, где же он. Оставаться возле разбитого и сгоревшего

самолета не имело смысла. Надо пробиться! Но куда? «Кажется, нахожусь где-то в верховье реки Момы... Но где именно? Все перепуталось еще там, в воздухе... Кругом на десятки километров тайга».

Он сбился со счета. Вчера так похоже на сегодня. Все тот же лес, искрящиеся снегом долины, неимоверный холод и усталость. И бесконечное стремление идти! Он пытался сосчитать дни и ночи, но напрасно... Может быть, пять дней или неделя? Если так, то он еще хорошо держится. Правда, каждое утро, после отдыха в сугробе ему все труднее и труднее подниматься. И говорить стало нелегко. Смотреть тоже невозможно. Перед глазами зеленые круги, и ресницы слипаются, склеиваются на морозе. Все тело болит. Ноют ноги и спина. Голова кажется очень тяжелой, и шея не держит ее. Глохнут уши. Во рту сушит, и все чаще и чаще приходится смачивать рот снегом. Но и снег почему-то стал горьким. И вообще, тело жило, но чувства день за днем отмирали.

От сухарей и обгоревших крошек неприкосновенного запаса давно ничего не осталось. Никакой живности в голые руки не попадало. И он очень ослабел. Даже небольшой костер, чтобы согреться, развести было нечем. Все исчезло в этой катастрофе. Последний раз он целые сутки грелся там, у догорающих обломков самолета. Оставалось лишь одно — шевелиться. Тогда не замерзнешь. И он, скрюченный от холода и голода, тащился, сколько хватало сил.

Ветви деревьев прогнулись под тяжестью снега. Белые кружева кустов, погребенные в сугробах, топорщились концами сучьев, как ежи, и цеплялись за одежду. Каждый куст отрывал свою долю и превращал обледенелую одежду в лохмотья. Впереди расстилался очередной широкий распадок — блестящее зеленью снежное поле,— пересечь которое он уже был не в состоянии. Слишком измученный путник спустился по склону сопки, проковылял еще несколько шагов и присел, вернее, свалился под кустом. Исхудалые, закостеневшие руки тронули снег... Холода он не ощутил... Голова поникла набок... Веки бессильно опустились... Обрывки мыслей, угасая, вереницей поплыли в мозгу... «Отдохну и пойду!..» — сверкнуло в потухающем сознании. Больше он ничего не чувствовал.

Извилистый глубокий след, будто траншея, вывел росомаху на пригорок. Она остановилась и огляделась. Седая изморозь осела на ее

густом меху, оттеняя каждую волосинку. Светлая, как шлея, полоса по бокам блестела. Она зябко поежилась. След человека круто спускался вниз и терялся где-то в пустороcлях тальника. Дальше по долине лежал ничем не затронутый, переливчато сверкающий белый саван снега. Вдали над наледью клубился морозный туман.

Ее острый, ищущий взгляд не обнаружил ничего. Сомнения не было: будущая жертва здесь, в кустах. Присел или прилег отдохнуть. Росомаха осторожно стала спускаться. Ей очень хотелось есть. Неужели и сегодня придется еще терпеть и ждать? Ждать, когда этот человек окончательно обессилит, не станет опасным и без сопротивления покорится.

Пробираясь по тальнику, росомаха вдруг неожиданно наткнулась на закутанного в блестящую кожу человека. Он полулежал под кустом, склонив голову. Между колючей щетиной бороды и воротником заманчиво белел обнаженный кусочек шеи. Росомаха подтянулась и насторожилась. Тряхнула бакенбардами. Глаза ее заблестели. «Вот, кажется, пора!..» И ей сразу представилось, как она прыгнет и вонзится зубами и когтями в этот белеющий участок тела. Росомаха жадно облизнулась. Шерсть на спине стала дыбом. Хвост ощетинился. Уши совсем прилегли к голове, злобный оскал приподнял верхнюю губу.

Собрав все мускулы в один комок, она хотела круто распрямиться и сильным броском взлететь на лежащую под кустом фигуру, но вдруг посторонний звук сзади заставил ее насторожиться. Росомаха оглянулась. Прямо на нее, с горы, по протоpенному снегу, торопливо спускался человек верхом на олене. За плечами торчало ружье. А за ним шли еще олени с нартой, на которой тоже сидел человек.

Подобных встреч росомаха не переносила. Затаив голодную злобу, она отвернулась от лежащего беспомощного тела, нерешительно попятилась и скользнула в ближайшие кусты.

Как зачарованная, съежившись, выглядывала она из своего укрытия. Росомаха увидела, как люди подняли этого, чуть живого, в мохнатых сапогах пришельца, положили на нарту и, осторожно придерживая его, спешно тронулись в обратный путь.

Мало кому известно, что зимой, в годы Великой Отечественной войны, в сильную пургу, упал и сгорел в верховье реки Момы, на Индигирке, выполнявший государственное задание израненный и потерявший уп-

равление самолет. Весь экипаж погиб. Радист Иван Середа, выбросившийся на парашюте, долго блуждал по тайге, обессилел и чуть не погиб. Он был обнаружен и полуживой подобран добытчиками «мягкого золота» — эвенами за несколько десятков километров от останков самолета и доставлен в поселок Кзыл-Балыктах. Следы росомахи дополняли картину. Там же, в поселке Кзыл-Балыктах, похоронены и погибшие летчики.

ЗАКОЛДОВАННОЕ ГНЕЗДО

Заночевали мы у переправы через реку Ожогино. Разложили костер, вскипятили чай и устроились кто как смог. Я постелил себе в лодке, а мой молодой спутник Баглай лег у огня, близ теплых головешек. Но все-таки весенняя прохлада давала себя знать, и всю ночь приходилось поддерживать огонь и разминать окоченевшее тело.

В стороне от переправы и нашего места ночлега, над зубчатой линией леса, возвышалась старая лиственница с обломанной кроной. Макушку дерева увенчало громадное гнездо орлана-белохвоста. Многолетнее сооружение, ежегодно ремонтируемое, выросло в недоступную твердыню. Любая буря, самый лютый ураган бессилен был сокрушить и сбросить его вниз. Далеко видимое, оно служило прекрасным ориентиром, господствовало над тайгой. Точно грузная, с широкими полями шляпа, надвинутая на высокий деревянный столб, темнела на фоне белесого неба.

На соседнем дереве, недовольно поглядывая на пришельцев, неподвижно, с царственной осанкой, сидел сам хозяин этого участка. Бурое оперение и короткий белый хвост исполинской птицы отчетливо просматривались в бинокль. Птица была немолодая. Можно было различить на плоском, как стол, почти без углубления гнезде сидящую орлицу. Она насиживала или обогревала только что появившихся птенцов.

Прилетают на Колыму орланы очень рано, в апреле, когда еще все водоемы скованы прочным льдом. И пока не вскроются озера и реки, они довольствуются пернатой дичью и мелкими зверьками. Частенько посещают они и свалочные места, бойни и площадки зимнего забоя оленей. Селится эта гигантская птица обычно вблизи водоемов, у реки

озера или на морском берегу, где и промышляет рыбу. Возле рыбных промыслов этот хищник служит постоянным санитаром, убирая отбросы на берегу и очищая воду от снулой рыбы. По характеру своего питания орлан, казалось бы, относится к вредным птицам, уничтожающим рыбу. Но при обилии запасов рыбы в нашем крае и учитывая то, что орлан зачастую берет непромысловую или больную рыбу, плавающую поверху, он заметного убытка не приносит. Безусловно, убивать эту редкую, украшающую северную природу птицу не следует.

Всю недолгую светлую ночь, как вырезанное из дерева изваяние, просидел орлан на своем троне. Ни малейшим движением, ни криком — ничем не нарушил он торжественной тишины. Его фигура отчетливо выделялась на корявом сучке. И лишь на рассвете огромная птица не в силах более ждать ухода непрошеных гостей великолепным взмахом поднялась в воздух. Широко расправив двухметровые крылья, орлан набрал высоту и, описав спиральный круг, потонул в бездонной синеве. Не успели мы допить чай, как птица вернулась. В изогнутых когтях орлан держал большую серебристую рыбу. Положив ее на гнездо, он удовлетворенно заклекотал и снова занял свой командный пост. Орлица приподнялась и начала терзать принесенную добычу и совать куски в раскрытые рты жалобно пищащих малышей. Оделив всех и попутно закусив сама, она снова прикрыла птенцов крыльями, как шатром.

А орлан, устремив пристальный взор на копошившихся у реки людей, нахохлился и замер. Хотя никто его не трогал, он постоянно находился во власти подозрительности и опять решил выжидать.

Собравшись и послав привет гордой птице, мы тронулись дальше. Предстояло спуститься на двух одноместных челноках (ветках по-местному) вниз по реке Ожогино до слияния ее с рекой Колымой. Мерно заработали, ритмично поднимаясь и опускаясь вверх вниз, двухлопастные, как на байдарах, весла. Тяжелые капли скатывались по веслу вниз и звонко булькали за бортом.

Узким коридором, тихо журча и прихотливо извиваясь, текла меж холмистых берегов капризная река. Бесчисленные протоки ответвлялись то вправо, то влево. За каждым поворотом открывалась новая картина. Вот заросли тальника с обнаженными корнями свесились над подмытым берегом и без конца полощут свои ветви в набегающей струе. Густые рощи тополя и ольхи огибают мыс. А дальше дремучая

тайга плотной непроходимой чащей подступила вплотную к реке и заслонила все. Казалось, здесь тупик и дальше ходу нет. Но вода течет — плывем и мы. Длинные илистые отмели и узкие песчаные косы поочередно возникали по пути то справа, то слева.

И, как ни странно, сколько бы мы ни удалялись, гнездо орлана постоянно виднелось то с одной стороны, то с другой.

Сначала мы повернули направо, и дерево с гнездом оказалось сзади. Потом река, точно сведенная судорогой, резко свернула влево, и гнездо выплыло слева. Когда же капризная река опять круто свернула вправо и потекла в обратном направлении, орлиная крепость очутилась снова справа. И так без конца петляя, мы никак не могли отплыть и оторваться от заколдованного гнезда. За каждым изгибом реки неведомая сила магически подставляла нашему взору сухую лиственницу с торчавшим на макушке гнездом.

И только после нескольких часов плавания и бесконечных поворотов реки в разные стороны высокий, поросший лесом берег скрыл преследовавшее нас по пятам гнездо. Новые впечатления, новые виды заслонили собой память о нем. Гнездо забылось.

Солнце поднялось достаточно высоко, и время подошло к обеду. От неподвижного сидения с вытянутыми ногами на дне ветки немилосердно ныло тело. Да и руки, намахавшись вволю, не так споро выполняли свою работу. Требовался отдых. Решено было сделать привал и заморить червячка. Выбрали подходящее место, подтянули наши суденышки, вылезли на крутой берег. Немудрая закуска и кружка горячего крепкого чая быстро восстановили силы. Настроение бодрое.

— Смотри, Баглай! Здесь тоже орлы живут. Вон гнездо!

В стороне, за поворотом выделялась большая старая лиственница с огромным гнездом на верхушке. И так же как и у первого гнезда, сбоку, на соседнем дереве, точно часовой на страже, величественно восседал сам хозяин.

Баглай внимательно взглянул в сторону гнезда, потом осмотрелся, кинув глазом на реку и берега, снова посмотрел на гнездо и улыбнулся:

— А это то же самое гнездо, которое мы утром видели.

— Не может быть! Ведь мы столько проплыли! Полдня прошло!

— Плыли много, да все время на одном месте, кругом гнезда вертимся.

— Посмотрите внимательно, доктор. То же дерево, то же гнездо и орел старый знакомый. Даже подмигивает! — шутя, закончил Баглай. Осмотревшись, я убедился, что это истинная правда.

Разумная птица выбрала себе такое удобное, царившее над всей территорией место, что приходилось только удивляться. Все видно. Со всех сторон, куда ни глянь, расположены озера, протоки, старицы и извилистая лента реки. Рыбы сколько хочешь — лови на здоровье.

— Я здесь, на реке Ожогино, бываю ежегодно с детства, считайте, скоро двадцать лет,— завел разговор Баглай.— И все это время вижу орлана у этого гнезда. Мой отец, вспоминая старину и рассказывая о переправе у реки Ожогино, всегда не забывает и про гнездо. Каждую весну орлы прилетают сюда и выводят детей. Кормят они их рыбой. Но приносят рыбы так много, что орлята всего не съедают. Лишние куски рыбы бросают из гнезда на землю. Горностая здесь вокруг дерева за лето разводится уйма: они же любят рыбку с тухлятинкой. Это для них лучшая приманка. Отец каждую зиму ставит здесь черканы на горностая и не один десяток берет их за сезон возле этого гнезда. И трава здесь погуще растет. Это гнездо очень приметное, всем известное, и никто не трогает птицу. Убивать орла у нас, у якутов, считается нехорошим делом.

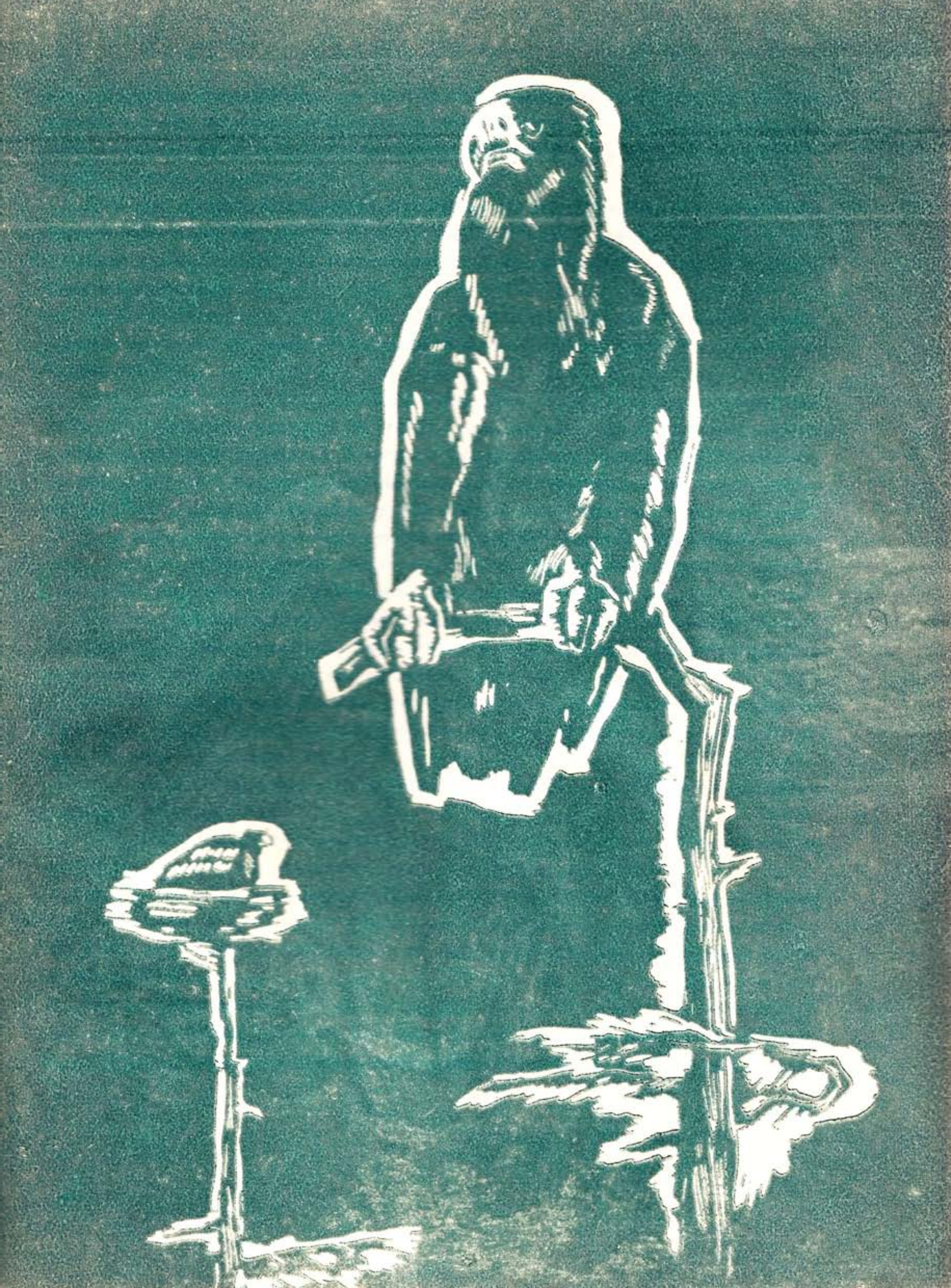
Я внимательно слушал своего молодого спутника. Судя по всем данным, можно было сделать вывод, что возраст орлана-белохвоста был не менее пятидесяти лет.

К вечеру мы все-таки окончательно уплыли от намозолившего глаза орлиного гнезда. Оно больше нигде не появлялось и бесповоротно исчезло с горизонта. Спуск по течению капризной извилистой реки Ожогино занял у нас полные двое суток добросовестной работы веслами. А ведь расстояние по прямой было всего около сотни километров.

НАСТОЙЧИВЫЙ ПРОВОЖАТЫЙ

Великолепен лес в зимнем наряде. Точно завороженные, стоят усыпанные снегом лиственницы. Красуются посеребренные инеем кусты. Алмазной россыпью блестят склоны гор.

Извилистая зимняя дорога вела с увала на увал, исчезала в распад-



ках и вновь появлялась на косогорах. Местами широкие, дышащие паром наледи преграждали путь, и приходилось пробираться нетронутой целиной по уступам заснеженных сопок. Густая тайга плотной стеной сторожила дорогу.

Лошади, мирно потряхивая головами и позвякивая колокольцами, цугом шли одна за другой. Скрип саней в ясном морозном воздухе был слышен далеко. Полозья пели знакомую всем путникам нескончаемую визгливую песню.

— Смотрите, уже целый час нас преследует какая-то черная птица, прямо шпионит за нами! — сообщила самый юный член экспедиции лаборантка Таня.

Мы и сами обратили на это внимание. Действительно, пропустив транспорт вперед, крупная, с голубя размером, длинноносая черная птица сорвалась с дерева и низким порхающим полетом обогнала караван. Залетев в голову колонны, она доверчиво присела у самой дороги на ствол дерева. Посадка у нее была, как у дятла,— вертикальная. Голова украшена яркой малиновой шапочкой. Длинный граненый клюв, как пика, задорно торчал вверх. Белые пронзительные глаза с холодным любопытством рассматривали незнакомых пришельцев.

Потом этот маневр повторился еще раз и еще. Дятел, как на параде, пропускал процессию мимо себя и опять настойчиво вырывался вперед и начинал свой инспекторский просмотр с ведущего коня.

— Конвоирует нас. Видите, по форме одет, околыш-то красный! — пошутил каюр, весельчак Вася.— Это же его владения, ну и смотрит, как бы чего не нашкодили.

— Или же охраняет, чтобы нас кто-нибудь не обидел! — добавил другой коновод, Ника.

— Нет, в самом деле, что ей надо, этой птице? И вид у нее какой-то недобрый. Что она замышляет? — не унималась лаборантка.

— Ну это вы, Таня, напрасно беспокоитесь. Что вам, человеку, может сделать плохого эта птица? Не делайте поспешных заключений только по внешнему виду,— заступился за черную птицу наш страстный орнитолог дядя Костя.

Все прислушались.

— Разве черный дятел, или желна, как его еще называют, виноват в том, что природа наделила его таким траурным оперением и дала

белые глаза? Это же совсем не говорит о том, что по натуре он злой и способен вредить людям. А вы знаете, что в прошлом пугающий вид черного дятла, присущее ему любопытство и манера провожать путников, перелетая с дерева на дерево, много горя ему приносили. Суеверные люди считали, что это злой дух преследует их, и зря губили птицу. Да еще, если дятел завопит или застонет по-своему: «Тюаай, тюаай, тюаай!» — совсем перепугается человек.

— А почему его князем, я слышал, в народе называют? — спросил Ника.

— По всей вероятности, за красную отметину на голове, которая точно корона блестит. Ну и еще за независимый вид: он же главный предводитель у пернатых друзей леса. Как отстучит на своей морзянке да скомандует отрывисто на всю тайгу: «Кр-кр-кр-кр-кр!» — сразу весь отряд соберется. Там, где долбит деревья и кормится дятел, всегда можно увидеть и синиц, и поползня, и других птиц. Заслуга дятла не только в том, что он сам истребляет несметное количество вредителей леса, но и в том, что он подготовляет фронт работы для других птиц, которые неспособны долбить древесину своим слабым клювом. Они вслед за дятлом обшаривают разбитые деревья, просматривают его расклевы и выискивают затаившихся насекомых. Вообще дятел довольно точно указывает птицам, да и нашим лесоводам, в каком участке тайги «черви лес точат».

Весной, когда оживает природа и проснутся насекомые, черный дятел любит посещать муравейники. Взгромоздится на самый верх кучи, муравьи тревогу поднимут, по нем поползут. А ему только того и надо: знай глотает их и жмурится от удовольствия.

— Интересно, а где он гнезда вьет, этот птичий начальник?

— Селится черный дятел, как и другие его сородичи, в дупле, которое долбит сам. Причем он довольно неряшлив. Санитарных правил не признает и уборкой не занимается. Квартира, где он живет из года в год, в конце концов заполняется большим слоем, до полуметра и более, остатков съеденных им и его птенцами насекомых. Конечно, и запах в таком жилище не из приятных. Гнездиться он начинает рано, еще снег не сойдет. На зорьке в марте и апреле его брачные песни — барабанная дробь по сухому дереву — разносятся далеко. Самка кладет три—пять белых яиц. В конце июня молодые птицы уже летают.

— Можно еще добавить,— сказал дядя Костя,— что дятел на зиму никуда не улетает и остается в своем лесу. Трескучие морозы ему нипочем. В любую стужу ему так же хорошо, как и летом. Эта птица — бессменный друг леса, и его надо беречь. И пусть себе забавляется и сопровождает нас сколько ему угодно. Надо же и ему развлечься. Скучно в лесу зимой.

Все согласились и уже с уважением посмотрели на своего заботливого провожатого. А он — в который раз — залетел вперед и, как начальник станции, в красной фуражке, пропускал мимо себя наш поезд. Давал путевку.

ШИРАПЕТА

Это были не волки, а какие-то серые чудовища. Собралось их шесть. Шесть свирепых, диких, не знающих пощады зверей.

Откуда они пришли, никто точно сказать не мог. Предполагали, что волки забрели на территорию оленесовхоза «Андыгичан» из дремучих лесистых отрогов Арга-Тас. Поживы здесь хватало, и дружная стая обосновалась и разгуливала по безлюдным просторам зимних пастбищ, по бессчетным ключам и долинам.

Водила их уверенная в своей безнаказанности старая, опытная волчица.

Кончался январь. Морозы в это время в верховье реки Индигирки были крепкие.

В таежном распадке, задрав мощную лобастую голову и вытянув поленом хвост, тоскует волк. Низкий гнетущий вой слышится по всей округе. Ощетинившаяся фигура зловещей тенью вырисовывается на фоне темного ночного неба. В исступлении волк роет снег и далеко во все стороны отбрасывает оголенный мох. За ним, затянув песню, взвыл второй, и начался концерт. В стороне, равнодушная к переживаниям своих поклонников, прилегла волчица. И тут же в разных позах, подражая ей, расположились остальные волки. Такие же широкоголовые, грудастые, оскалив белые клыки и судорожно облизываясь, лежали они, припав к земле и косясь по сторонам. В глазах, отражая свет луны, переливались зеленые огоньки. Зима и морозы им не в диковинку. Волки выносливы и умеют быть терпеливыми.

Начались брачные игры. Первые встречи носят пока еще дружелюбный характер. Но через некоторое время страсти разгорятся, и тогда — берегись слабый. Только клочья шерсти полетят. Свадьба без драки — не свадьба. И право быть вожаком в стае решается силой. Победитель отвоюет себе пару, никого к ней не подпустит и создаст свою постоянную семью. К весне стая разобьется, пары отделятся, и появятся иные заботы. А пока что, держась вместе, эти хищники представляют грозную силу.

Волка ноги кормят. Волчица встала с лежки, понюхала воздух и потянулась. За ней без промедления поднялись остальные. Словно тугая пружина подбросила волков. Из зарослей высунулась голова, рядом как из-под земли выросла вторая. Вот их уже три. Волки вышли из своего укрытия и мелкой рысцой тронулись к полегшему в нескольких километрах стаду оленей. Волчица, опустив голову, бежала впереди. За ней по пятам, гуськом, след в след, трусила вся свора. Волки вразброд не ходят. Точно ночные призраки, стелились по убеленной равнине седые неясные тени. Следы и заманчивый запах оленей вел их вперед.

Добывая ягель и взрывая снег передними ногами, олени выбили глубокие ямы и, насытившись, легли каждый в своем углублении. Только седые от изморози морды да ветвистые рога торчали на уровне снега. И вдруг нежданно-негаданно на мирно пережевывающих жвачку оленей обрушилась беда: на стадо напали волки. Смаху перегрызли горло и вспороли живот первому оленю, на куски разорвали второго, загрызли третьего. Следующий олень только на какую-то секунду опоздал вскочить — волки перехватили и его.

Охваченное паническим ужасом стадо ринулось в разные стороны. Проваливаясь на ходу в снег, тараня двухметровые сугробы, олени разбежались. Успевшие выскочить на марь, с плотным, обитым ветром настом, они вихрем умчались от страшных зверей. А в лесу, на тихом с виду ключе шла беспощадная резня. Седые, забрызганные кровью разбойники, рыча и остервенело щелкая зубами, догоняли мечущихся в отчаянии и барахтавшихся в глубоком снегу оленей и грызли, грызли, грызли. В один прием уничтожили они гораздо больше оленей, чем могли бы съесть.

Зимние ночи на Севере необыкновенно длинны. С вечера и до утра, взвывая, тявкали обеспокоенные собаки, притулившись возле пала-

ток пастухов. Сигналили, повернув морды в сторону злополучного распадка. На пирующее зверье лай собак не производил должного впечатления. Им только мешал надоедливый лай, и они еще больше озлоблялись.

Всю ночь разбойничала и расправлялась с оленями прожорливая стая. Но едва забрезжил бледный зимний рассвет, волки трусцой убрались восвояси. Погуляли вдоволь, набили брюхо олениной. Теперь можно укрыться в густые заросли оврага. Там спокойно, и никто не потревожит дневной сытый отдых.

Настал день. Расстроенные нагрянувшей бедой, пастухи-оленеводы подняли тревогу. С большим трудом согнали воедино на свое пастбище разбежавшихся напуганных оленей. Многих не досчитались. Потом нагрузили на нарты и свезли к стоянке несколько зарезанных, с обглоданными боками оленей. Собрали мерзлые куски недоеденного мяса. Головы, ноги, ребра вместе с кожей и шерстью валялись повсюду...

К полудню на остатки волчьей трапезы слетелось невесть откуда воронье. Гортанное «кр-р-р-р!» оглашает воздух, возвещая о находке и созывая всех справить тризну.

Чтобы предотвратить очередное нападение волков, пастухи установили ночное дежурство. Насторожили повсюду капканы, разбросали приманку, начинили ядом оленье мясо. Но капканы стояли нетронутые, на приманку сытые волки не шли и отравы не брали. Лишь пара воронов да синичка подохли, наевшись ядовитого снадобья. А волки, смышленые, хитрые звери, ни разу не тронули еду с незнакомым чужим запахом.

Это только в сказках лисица всегда фигурирует как хитрый, способный всех одурачить зверь, а волк выводится каким-то простофилей. На самом деле волк очень умный, хитрый и осторожный зверь. Это и спасает волка от поголовного истребления.

Все меры приняты, чтобы волка истребить. Никакой зверь не выдержал бы такой травли. А ему хоть бы что, и сладу с ним нет! В ряде районов волк по-прежнему свирепствует и представляет серьезную угрозу.

Летом волки шалят мало и забираются в глухие отдаленные места. Но зимой, с наступлением бескормицы, перебираются поближе к жилью человека, к пасущимся стадам, где всегда найдется добыча.

навоз. После выварки он натирал капканы несвежей рыбой. Таким же образом обрабатываются рукавицы, мешок и все предметы, имеющие отношение к ловле волков.

Капканов с зубчатой пастью Ширапета не применял, говоря, что они перебивают волку лапу. Промерзнув и одеревенев, такая лапа свободно отламывается и остается в стальных тисках. Зверь уходит на трех. Инвалидность — не помеха хищнику, и он успешно продолжает свой разбой. Ширапета отлично владел грамотой следопыта и досконально знал все повадки зверей.

Капканы ставились под снег и без всякой приманки. В дни волчьих свадеб это особенно важно. Волк — всегда очень осторожный зверь — на этот период как бы теряет свое обычное чутье и шалеет.

Закладывая разные ядовитые средства в знакомую и не пугающую волка приваду, Ширапета вдобавок замораживал отдельные мелкие кусочки жира. По величине они должны быть такими, чтобы жадный зверь смог проглотить их, не разгрызая. В такой застывший шарик хитрый зверолов вкладывал согнутую пластинчатую пружинку с острыми концами. Выпрямляясь в желудке волка, пружина глубоко ранит слизистую оболочку. Такой обезумевший от боли волк далеко не уйдет. Катаясь по снегу, он сам ускорит свою гибель.

ВИТЮ ВИДЕЛ!

В июне день нескончаемо долог. Но все же в конце концов жара стала спадать. Под вечер на озеро Сырдах забрела группа ребят взглянуть на плавающих ондатр. Эти осторожные зверьки весь день отсиживаются в своих подводных норах. А к закату солнца всегда выходят наверх поплавать, подышать свежим воздухом, почиститься и погрызть сочных стеблей водяных растений. Интересно смотреть, как ондатры, выстроившись в кильватерную колонну, точно гуси (впереди большая, а за ней несколько ондатрят), бороздят гладкую, как стекло, поверхность озера. Быстро гребя перепончатыми лапками и управляя хвостом, как рулем, по всем правилам судоходства, рассекают они грудкой воду, оставляя по бокам длинные волны. Это семейная прогулка.

Ребята разбрелись по живописным берегам. Здесь столько интерес-

ного! Озеро по краям заросло кувшинкой и другими водяными растениями. Вода прозрачна, и сквозь нее виднеются подводные луга. Кудрявые ивы опрокинули свои тени в воду. В глубине мелькают серебром небольшие рыбки.

Пришло время собираться. Скоро выплывут ондатры. И вдруг — нет одного мальчугана.

— Ты Витю видел? — спросил у примчавшегося вихрастого крепыша вожак и заправила всех походов Коля.

— Нет, он не со мною ходил!

— Ты Витю видел? — четко выговаривая каждый слог, мелодичным голоском передразнил Колин вопрос невидимый шутник в кустах.

— Витю видел? — еще раз повторил звонкий голос те же слова.

Мальчики переглянулись.

— Ишь ты, какая-то птичка о Витьке нашем заботится! — сказал один из ребят.

— Да как красиво, нараспев, точно человек выговаривает! — поддакнул другой.

— Ты Витю видел? — опять донеслось из кустов тальника.

Ондатры забыты. Посовещавшись, ребята решили проследить и узнать, что это за чудесная птаха такая говорит, ну совсем по-человечески... Рассыпались, пошли в обход по кустам и стали поодиночке выслеживать таинственного пересмешника.

Но скрытная птичка была хитрее детворы и, уклоняясь от встречи, уводила их все дальше и дальше, не показываясь на глаза. Никому никак не удавалось ее посмотреть.

Наконец Коле посчастливилось. Он бесшумно подполз к кусту, где среди листвы затаилась неуловимая птичка, и рассмотрел ее. Это оказалась небольшая, ростом чуть побольше воробья, птица, с яркой пунцовой грудкой и такой же шапочкой на голове.

Еще раз выпалив свое: «Ты Витю видел?» — любопытная певица юркнула в чащу и больше не показывалась.

Витя конечно нашелся. В тот же вечер школьники рассказали о своем наблюдении учителю Георгию Петровичу. Страстный любитель — краевед и знаток птиц, Георгий Петрович внимательно выслушал всех и рассказал:

— Все, что вы видели и слышали, совершенно правильно. Эта пти-

ца — наша красная канарейка. Называется она чечевица. Клюв у нее крупный, массивный, способный раздробить любое зерно. Самец очень красив и весь окрашен в красные тона, особенно яркие, почти карминные, на груди и голове. Самочка серая. Весной чечевица прилетает к нам поздно, когда в лесу все деревья уже красуются в свежем зеленом наряде. Живет она по речным долинам и по берегам озер с густым кустарником, где и вьет свое гнездо. Полная кладка пять-шесть яиц небесного цвета с темными крапинками и каракулями. Самка сидит на гнезде крепко. Когда появятся птенцы, которых первое время надо обогревать, папаша кормит малышей и заодно самку.

Пение чечевицы, которое вы слышали, действительно напоминает возглас человека: «Ты Витю видел?». Это весенняя брачная песнь самца. Позже он замолчит. Чечевица очень осторожная птица, и видели ее немногие. Она постоянно прячется в густых кустах и ведет малозаметный образ жизни.

В прошлом суеверные люди боялись и приходили в ужас от крика этой милой птички. Им чудилось в этих птичьих звуках угроза от имени невидимого злого духа, который говорит: «Я тебя съем!» И считалось доблестным делом убить эту недобрую вещунью. С годами предрассудки забылись, и теперь, конечно, никто не придает значения своеобразному голосу этой птицы.

Наутро ребята поделились своими новостями с мальчиками-якутами, жившими по соседству. Они вместе учились, были дружны и нередко устраивали совместные увлекательные походы. Теперь уже целой гурьбой пошли юные натуралисты к озеру Сырдах. Придя к знакомому месту, все расселись на лужайке в ожидании вызова. Пернатая говорунья не заставила себя долго ждать.

— Ты Витю видел? — полувопросительно послышалось в зарослях тальника.

Хозяева торжествующе посмотрели на гостей:

— А что, каково? Слышали? Правда, интересно?

— Витю видел? Витю видел? Витю видел? — захлебываясь, повторила невидимая певица свой мелодичный возглас.

Никто не поднялся, чтобы пойти и взглянуть на чечевицу. Сидели не шелохнувшись. Спугнешь — замолчит.

— А я знаю эту птичку! — вдруг нарушил очарование один маль-

чик-якут. Звали его Кеша.— Ее у нас называют «тыллах чичага». По-русски это будет говорящая птичка. И кричит она по-якутски. «Ийэ, ють ихэм»[1]. У мамы молочка просит,— закончил он, улыбаясь. Русские ребята посмотрели друг на друга и наперебой зашумели:

— А ведь правда! Очень похожа! Ийэ, ють ихэм? Так точно и говорит.

— А почему она у мамы молока просит? — поинтересовался один из слушателей.

— Говорят,— пояснил дальше Кеша,— что в старину один малыш пошел в тайгу за ягодами и заблудился. Долго он голодный бродил по лесу, звал маму и просил у нее молока. Но так и не дозвался. Умирая с голода, он плакал и все кричал: «Ийэ ють ихэм!»

После смерти душа ребенка красногрудой птичкой обернулась и теперь повсюду летает, ищет свою маму и просит у нее молока.

Призадумались ребята. Очень их тронул рассказ Кеши о погибшем в лесу малыше. И жаль стало эту невидимую говорящую птичку.

— Ты Витю видел? — снова четко раздалось в кустах.

Примолкший было Витя упрямо покачал головой и обиженным тоном произнес:

— Нет, она про меня спрашивает и беспокоится. Вы разве не слышите, как отчетливо выговаривает она слова: «Ты Витю видел? — Ему так хотелось, чтобы птица пела о нем. И совсем ни к чему этой красивой птичке стать тоскующей душой умершего ребенка. И снова все — и якуты и русские ребята согласились. Может быть, так и есть.

МИШКА, ДА НЕ ТОТ!

Лето выдалось дождливое, холодное, бескормное. Осень не лучше. Наступил октябрь, уже и снежок упал, а не успевшие нагулять жира несытые медведи все не укладывались в берлоги. Такие голодные звери ведут себя особенно агрессивно. Не спят, бродят повсюду и в поисках поживы шкодят.

Один такой блудливый гость повадился на колхозную молочную ферму в поселке Родчево. То в погреб залезет, все молоко перепробует,

[1] Мама, молочка выпью! (якут.).

бидоны перевернет и, напившись, уйдет. То доярок или скот переполошит. А под конец до того обнаглел, что взломал двери в ледник и все шары мерзлого сливочного масла повыкатил. Где погрыз, где в грязи вывалял, продукцию перепортил. По следам злоумышленника видно было, что зверь немалый, больше двух метров вымахал.

И решили председатель колхоза Алексей Иннокентьевич Попов и кладовщик Константин Сивцев проучить вора и избавить ферму от такого неприятного соседа. Бывалые охотники, уверенные, что, несмотря на величину зверя, ночью не струсят, важно заявили:

— Не промажем! Возьмем!

Оделись потеплее, взяли по карабину с запасом патронов и затаились близ ледника в ожидании гостя. Знали — раз повадился масло таскать, придет снова.

Осенью на Севере темнеет быстро. Загустела небесная синь, и незаметно подкрались сумерки. Слышно было, как доярки, управляясь, загоняли коров в хотон. Патлатая дворняга прокатилась по дороге. Ее острая мордочка победно сияла. Наверно, нашла что-нибудь съестное и набила живот. Вскоре и вовсе стало темно. Луны не было. Лишь приветливо светили огоньки в окнах домов. Да звезды, точно вбитые в небесный свод гвоздики, поблескивали в вышине. Алексей Иннокентьевич стал дремать, вздергивая голову. Нахохлившись, прощупывая взглядом молчаливую тайгу, сидел Константин. Стыли ноги.

Медведь не заставил себя долго ждать. Вот заскрипел под тяжелой поступью снег. Хрустнула валежина. Константин ткнул в бок товарища. Еще раз скрипнуло. Из-за угла длинного амбара показалась темная лобастая башка. Потом на фоне снега вырисовалась огромная туша. Идет, от злобы гудит и, точно танк, все сокрушая на своем пути, продвигается прямо к леднику. Путь-то проторенный!

Вмиг очнулись охотники от дремы. Почти одновременно, слившись, взорвали тишину ночи два выстрела. Раскатистое эхо отозвалось и загремело в тайге и тихим рокотом замерло вдали. А очумелый медведь взвыл диким голосом и, рванувшись в сторону, смаху упал и забился, взрывая ногами снег. Не промазали!

На стрельбу сбежался народ. Не торопясь, с чувством собственного достоинства, расставил Алексей Иннокентьевич людей. Взяв в кольцо лежащий на снегу трофей и держа ружья наизготовку, охотники с опас-

кой стали подходить к убитому зверю. Кто светит фонарем, кто спичками чиркает. А что, если хищник живой и притаился? Но громадина затихла и не шевелится.

И вдруг общий хохот огласил полянку, а герои дня смущенно переглянулись. Глаза их округлились и стали величиной с большую чернильную кляксу. Хорошо, что в темноте никто не мог видеть, как яркая краска залила их лица. Смотреть на людей они были не в состоянии.

Прямо перед ними лежал черный, мохнатый, якутской породы, двухлетний колхозный бычок Мишка. Забияка и гроза всех ребятишек. Мишка, да не тот!

РОЗОВАЯ ЧАЙКА

Конец мая. Весна спешит, настойчивая, радостная. Пробудив природу от зимней спячки, широким фронтом прошла она по полям, по лесам и обновила мир. Весна летела на крыльях нескончаемых вереница крылатых путешественников, она была и в захлебывающемся от радости крике птиц, и в седовато-зеленой дымке распускающихся лиственниц, и в ласковом, бодрящем дыхании ветерка.

Появились одиночные «снежные комары». Большие, лохматые, они мрачно гудели. Кое-где начали проклевываться нежные иголки травы. Впервые закуковала кукушка. Вечерний румянец неба к полуночи не угасал, багровым заревом медленно проплывал по горизонту и вскоре вновь разгорался. Наступила пора «белых ночей», и в полусумраке можно было совершенно свободно читать книгу.

Утренний бродячий туман рассеялся. Наша флотилия, состоящая из двух веток и двух людей, пересекала широкое, как море, озеро Муоратай. Путь лежал к глубокому озеру Кагардыр. Там проходила извечная трасса весеннего пролета уток-турпанов. Имея в запасе пару дней, мы решили поохотиться.

Синяя поверхность озера, с опрокинутой в ней небесной ширью блестела как полированная. Отдельные крупные, радужно-белые, со светящимися кружевными краями льдины, точно айсберги, блуждали по озеру. Эти умирающие, истекающие водой останцы состояли из плотно сложенных вертикальных льдинок. Они настолько непрочны, что порой рассыпаются на хрустящее крошево сосулек от малейшего прикоснове-

ния. Встречались и целые ледяные поля с мирно нежащимися на кромке уточками-морянками.

В заливе на одной из льдин сидела группа розовых чаек. Чудесные создания доверчиво смотрели темными бусинками глаз на плывущие мимо лодки с людьми и не взлетали.

— Они, вероятно, знают, что стрелять их строго запрещено, поэтому не боятся,— с улыбкой заметил мой сосед по челноку, директор Зырянского краеведческого музея Николай Владимирович Маковский.

— Или просто еще не знакомы с коварством людей,— добавил я.

Заповедные чайки продолжали безбоязненно сидеть на льду. Некоторые из них купались в ласковых лучах весеннего солнца, другие клевали каких-то букашек, бегающих под ногами. А одна пара уединилась за сверкающим выступом айсберга. Самочка сидела на краю льдины у воды, а самец почесывал и поклевывал шейку своей подруги широко раскрытым клювом. Это он, как говорят в народе, «одевал бусы». Шея розовой чайки окаймлена черным ожерельем.

Потом самец важно, как подобает знающему себе цену кавалеру, стал прохаживаться перед ней взад и вперед: «Вот я какой!» Нагулявшись, галантный ухажор отвесил даме низкий поклон и замер в этой позе, выпятив вверх распущенный хвост. «Тр-р-р-р!» — пустил он от избытка чувств восторженную трель. Самочка, замирая от счастья, закрыла глаза, подернув их красной пленкой.

— Какие все-таки они красивые птицы и как приятно на них смотреть,— не утерпел Николай Владимирович.— Ведь недаром в старину, когда не было огнестрельного оружия, перьями розовых чаек охотники украшали стрелы. А ведь у нас в музее,— заговорила в нем практическая жилка краеведа и собирателя,— всего одна розовая чайка. Старое чучело все выгорело на солнце, побелело. Да и Якутский музей просил для них достать. Этой прелести там не добудешь даже на пролете. А здесь их сколько угодно. Вот и разрешение прислали на право охоты с научной целью на всех птиц и в любое время.

Я вспомнил, что действительно розовые чайки, такие, казалось бы, обычные птицы на Колыме, являются вообще большой редкостью. Живут они на очень ограниченном участке земли — в низовьях Колымы, Яны, Индигирки и на Алазее. Больше нигде в мире их нет. В других местах Северо-Востока Союза могут встречаться только на пролете или

кочующие в свободное от гнездовья время. С 1949 года розовая чайка отнесена к категории редких и абсолютно охраняемых птиц. И без сомнения, любой музей желал бы иметь у себя чучело этой малоизвестной красивой птицы.

Гнездится розовая чайка небольшими колониями от двух до двадцати пар в заливной, травянистой, богатой озерами тундре и лесотундре. Нередко встречаются общие поселения вместе с полярной и крачкой. Гнезда вьет в низине, на кочках и по островам, и в них всегда сыро. В кладке, как обычно для чаек, два-три яйца зеленовато-оливкового цвета, в крапинках. Молодые птицы первый год ходят в пестром наряде и лишь к следующей весне надевают свое щеголеватое розовое оперение. После вывода молодых розовые чайки кочуют вдоль побережья и по островам Ледовитого океана. Зимой они держатся в свободном от льдов открытом море.

Привязанные к родным местам, чайки весной возвращаются обратно. Прилетают они поздно — в конце мая или начале июня. Во время пролета иногда образуют большие скопления, до сотни птиц в стае. Пути их пролета проходят по глубоким, с плавающими льдинами и богатыми всякой живностью озерам. Питаются розовые чайки водяными насекомыми, моллюсками, рачками и мелкой рыбкой.

— А вы знаете, что эти с виду кроткие создания, похожие на розовых голубей, в жизни очень вздорные? — заметил мой спутник.— В своих колониях они вечно дерутся из-за места, из-за пищи, а иногда просто так. Сварливы и алчны по натуре. А этот нарядный самец, такой, казалось бы нежный и внимательный кавалер, на самом деле ревнивый и грубый деспот. Его подруге жизни частенько достается, если что-либо ему не по нраву. И поэтому умиляться и говорить всякие ласковые эпитеты в адрес «милых чаек», пожалуй, не стоит.

Николай Владимирович был широко образованный, с большим запасом самых разнородных знаний человек. И все, что он говорил, было всегда интересно и ново. Он был настоящий охотник и умел видеть и слышать, что делалось в природе. И порой приходилось удивляться, откуда он столько всего брал и когда успевал. Ходячая энциклопедия, говорили про него друзья. Кроме того, он обладал редким даром привлекать к себе людей и сразу завоевывать симпатии. Музей, который он возглавлял, имел самый широкий актив краеведов. Туда все шли

и бескорыстно помогали, кто чем может. Благодаря стараниям пылкого, восторженно влюбленного в свое дело директора маленький, с душою созданный районный музей вскоре вырос и приобрел значение научно-культурного очага всего края.

Плывя дальше, мы повстречали еще одну дрейфующую льдину с розовыми чайками. Греясь на солнышке, они свободно носились в голубом просторе. Некоторые поднимались в воздух и пушистыми розовыми комочками мелькали в прозрачной лазури неба.

— Эх, была не была, давайте возьмем пару птиц. Вон тех крайних, они, кажется, одиночки? — предложил Николай Владимирович.— Пусть послужат науке. Законное право имеем.

Я поддержал.

Негромкий выстрел, полузарядом, чтобы не побить и не испачкать светлое перо, взорвал тишину безмятежного покоя.

Все чайки всполошились, суматошно взмыли в воздух и с тревожным своеобразным криком «тэ-кэ, тэ-кэ, тэ-кэ!» улетели. Полет чаек был неторопливый, и легкие взмахи крыльев напоминали больших бабочек.

На льдине остались две чайки. Все-таки как позаботилась природа украсить эту чудесную птицу. Интенсивно-розовые, позолоченные солнцем и нежные, как лепестки шиповника, перышки на груди переходили на спине и крыльях в сизые тона. Брюшко беловатое, лапки красные. Шея опоясана черной перевязью. Вокруг глаз красное колечко. Язык и полость рта ярко-оранжевые. Клюв очень слабый, и вся птица казалась какой-то хрупкой.

Забегая вперед, скажем, что и препарировать убитых розовых чаек было сплошным мучением. Шкурки их оказались весьма непрочными и без конца, при малейшем натяжении, рвались.

— Вы не слышали, как якуты объясняют появление розовых чаек? — снова завел разговор всезнающий Николай Владимирович.— Есть одно местное предание. В одном стойбище, на Колыме, жили молодые красивые девушки. Они веселились, радовались солнцу и воде и не знали горя. И лишь одно смущало юные души: они считали, что недостаточно красивы, и им хотелось стать еще прекраснее. Они обратились за советом к старой шаманке. Злая вещунья, завидовавшая молодости, решила погубить девушек. Вкрадчивым шепотом начала она поучать:

— Зимой, в самые большие морозы, когда на реке сделаются на-

леди и лопнет лед, надо пойти и выкупаться в розовой воде, вытекающей из трещины. Тогда ваши лица станут румяными, и вы станете красавицами.

Неопытные девушки поверили злой шаманке. Им так хотелось быть прекраснее всех!

Затрещали морозы. Реку сковало льдом, и в ущелье образовалась огромная наледь. Выжатая снизу напором воды, она вздыбилась огромным курганом и с гулким треском лопнула. Из образовавшейся трещины полилась вода и ступенчатым наплывом застыла по долине. Холодное багровое солнце, стоящее у самого края земли, окрасило ее в розовый цвет.

Тогда девушки собрались, пошли и храбро окунулись в зияющий провал. Бедняжки закоченели и погибли. А их чистые девичьи души поднялись в небо и в виде розовых чаек полетели к морю. С тех пор они появляются здесь ежегодно с тревожным, печальным криком «тэ-кэ, тэ-кэ, тэ-кэ!.. Летают над озерами. Жалуются людям, что красота их погубила.

Полдневная жара спала. Мы подплывали к конечной цели. За неширокой земляной перемычкой лежало озеро Кагардыр. Скоро привал.

КУЛИК-ПЕРЕВОЗЧИК

Странная манера у этого кулика. Идешь берегом реки и видишь: сидит он у самой воды, в полосе заплеска. Небольшой, чуть побольше жаворонка, серый, с белым брюшком.

Кто его знает, о чем он думает, но, подпустив к себе не ближе чем, по его мнению, положено, куличок с пронзительным криком срывается с места. Смешно подрагивая длинными ножками, свесив нос и порывисто взмахивая крыльями, он низко над водой пересекает реку и садится на противоположном берегу. Насмешливый посвист сверлит воздух. Кулик точно приглашает последовать его примеру и перебраться за реку. За эту странную особенность народ метко окрестил этого кулика перевозчиком.

Впрочем, если река широка или озеро большое, осторожный долгоносик, описав дугу над водой, присаживается на этом же берегу, но

уже далеко позади идущего человека. И опять разгуливает по отмели, бегает туда-сюда, ворошит камешки, поклевывает всякую живность и, задрав голову, глотает. Он твердо усвоил, что человека близко подпускать не рекомендуется.

Нам надо было во что бы то ни стало достать перевозчика. Экземпляра этой птицы недоставало в нашей коллекции. Но привычка его перелетать на другой берег или садиться сзади на приличной дистанции мешала. Не плыть же за ним через реку!

Мы просто перехитрили смышленого кулика. Для этого пришлось двигаться берегом не рядом, а гуськом, один за другим, на расстоянии 100—150 метров. Когда идущий впереди вспугнул перевозчика, второй притаился и встретил птицу. Таким образом нужный кулик был добыт.

Перевозчик широко распространен по всему Советскому Союзу. Нет его только на Крайнем Севере. В выборе мест для жилья он совершенно неприхотлив. Держится этот куличок обычно по берегам рек и озер отдельными парами. Здесь, в сухом месте, часто на песке, под кустиком травы, делает ямку для гнезда. В конце мая — начале июня кладет четыре грушевидной формы крупных пестрых яйца. Лежат они в устланном стеблями трав гнезде — лоточке носиками внутрь крест-накрест.

Такое характерное для куликов расположение яиц удобно для насиживания. Куличата рождаются пушистыми комочками в желтовато-бурых пестринах, сходны с окраской скорлупы яиц, из которых вывелись, и сливаются с общим фоном. На чистом месте и не увидишь. Вот он, малыш, припал к земле, попискивает под ногами. В стороне с беспокойным криком перебегает с места на место мать-куличиха. А вы беспомощно озираетесь, всматриваетесь в желтый песок и ничего не видите.

Окрепшие пуховички уводятся родителями в безопасные, богатые кормами угодья, близ водоемов. Там они и кочуют, пока не вырастут до отлета к югу.

Питается перевозчик различными личинками и червями, которых выискивает у кромки воды в полосе намытой гальки. Ест он и мелкие ракушки. Причем куличок этот очень подвижен и, кормясь, забегает в воду по брюхо. Но, если понадобится, он плавать и нырять тоже неплохо умеет.

Для охотников перевозчик трофей незаманчивый. Слишком мал.

ЗАПАДНЯ

Хорошо добытчикам «мягкого золота» в начале зимы, с первым снегом. Мороз еще небольшой. Днем подтаивает. Снег мягкий, пушистый, ходить легко. Следы всех зверей как на ладони.

Вот белка вышла из гнезда на рассвете и отправилась позавтракать. След прогонистый, без остановок. Через час-другой она, уже сытая, волоча набитое брюхо, не спеша и играя, пробирается домой. От дерева к дереву тянутся вытоптанные белкой тропинки. Охота на белок в это время требует особой сноровки. Обнаружил зверька — не спеша подойди к затаившейся за стволом серой фигурке. Или стуком палки по дереву выпугни ее из гнезда. Если следов много, а самих хозяев нет, укатили в другие места, можно и приманить. Станьте в лесу на поляне, где кругозор пошире, и легким рывком встряхните ивовый, заранее припасенный прутик.

— Ур-р-р! — заиграет манок в ваших руках. Этот звук очень напоминает урчание белки, когда она прыгает с ветки на ветку или спускается вниз.

— Ур-р-р! Ур-р-р! — опять зазвенел послушный прутик.

И не проходит и пятнадцати минут, как вы слышите ответное: «Ур-р-р!» Это соседняя белка, в знак солидарности, дает свои позывные товарке. Вот она завозилась на ветке... Целиться надо всегда в голову, чтобы не попортить шкурку. Сухо и негромко щелкает выстрел, и первый трофей мягким комочком падает в снег.

Илья Громов, молодой зверолов, размеренным шагом продвигался с увала на увал, от распадка к распадку. Три изящных палево-дымчатых зверька с пышными черными хвостами висели у пояса. Начало неплохое. На пригорке, возле вывороченной ветром, с разлапистыми корнями, лиственницы он остановился. Перевел дух. Осмотрелся. Густая небесная ширь, как куполом, накрыла тайгу. Искрящийся на ярком солнце снег слепил глаза. Отдельные деревья-недоростки вразброд карабкались по склонам.

Илья провел рукой по лицу. Жарко. И вдруг с ним случилось необычное. Неожиданно обеими ногами он провалился в какую-то яму.

Не успев ухватиться за торчавшие сбоку спасительные корни, Илья в один миг оказался по плечи в глубокой яме. С шумом осыпалась

слежавшаяся труха, увлекая за собой комья снега. Ноги, обутые в торбаса, уперлись во что-то мягкое, теплое, живое. Еще не успев сообразить, в чем дело, он почувствовал, как лежащее под ним существо зашевелилось и внезапно куда-то делось. Пахнуло псиной. Охотник повис в пустоте, держась руками за край ямы. Спиной он ощутил, вернее, почувствовал неладное и быстро повернулся. В то же мгновение, буквально возле его лица, земля взорвалась. Урча и отфыркиваясь, показалась лобастая башка. Огромная темная туша вынырнула из-под снега, кубарем перекатилась через валежину и, все сокрушая на своем пути, умчалась вниз. Только белая пыль завихрилась в воздухе да извилистая траншея пролегла по снежной целине. А сбоку весь снег разворочен и зияет черный провал. Точно бомба ахнула.

Подтянувшись на руках, Илья рывком выпрыгнул из ямы и, держа в руках ружье, тревожно оглянулся. Тут же проверил, висит ли сбоку неразлучный спутник — нож? Громов только теперь понял, чем эта встреча могла бы кончиться, если бы взбешенный зверь проявил агрессивные намерения. Но взглянув на яму, откуда спросонья выскочил внезапно разбуженный лесной боярин, Илья невольно улыбнулся: «Он не меньше меня струсил. Шутка ли, на голову только что устроившемуся на лежку медведю валится с треском что-то тяжелое и топчется. Не робок хозяин берлоги, но все же не стерпел. Вероятно, на его памяти с ним ни разу такого не случалось... Все кругом разнес, и сам ходу дал!»

Проверяя, в какую сторону удрал в панике медведь, Илья заметил на снегу визитные карточки беглеца. С перепугу у незадачливого зверя живот расстроился.

— Медвежья болезнь одолела,— говорят охотники.

ЗИМНЯЯ СВИРЕЛЬ

— Нет, ты напрасно такого дурного мнения о кукше. Не спорю, она зимой частенько навещает капканы и ловушки охотников. Тут куропатку расклюет, там шкурку зайца испортит. Пух по ветру пустит. Иной раз и сама в капкан угодит на обед лисе. И только рыжие перышки с хвоста да следы на снегу расскажут обо всем. Знаю, что летом не щадит она

гнезд мелких птичек и не прочь полакомиться нежным мясом какого-нибудь птенчика. Да еще и голос ее зимой неприятный, заунывный нагоняет тоску. Поэтому и несимпатична она людям. Но есть у этой птицы и хорошее.

Эта беседа шла между двумя охотниками. Дядя Вася и его племянник Кирилл любили природу и вместе бродили по лесам и промышляли. Старший — бывалый колымчанин слыл знатоком тайги. Племянник его Кирилл был вдумчивым наблюдателем и неплохо знал пернатых обитателей леса. Кирилл молчал. Он уже высказался по адресу этой не полюбившейся ему птицы и теперь ожидал, что скажет дядя Вася.

— Но ты знаешь,— продолжал старший охотник,— что летом кукша питается жуками, бабочками и их личинками. Поэтому тот вред, который она изредка нанесет, испортив добычу зверолова, целиком покрывается пользой в очищении леса от вредных насекомых. Птенцы — ее случайная пожива. Клюет же она с голодухи зимой мерзлое мясо. Кроме того, она ест ягоды и семена хвойных деревьев. Даже собирает запас брусники про черный день и прячет в дуплах.

— В общем, дядя, вы хотите сказать, что кукша — идеальная птичка!

— Не идеальная, но все же... А что касается ее меланхолического крика, так что же прикажешь делать? Так они перекликаются, когда кочуют по тайге. Послушал бы ты, как на исходе зимы кукша поет, не то бы сказал.

— Что-то не верится, дядя Вася. Какая певица из этой гнусавой бродяги? Ноет, стонет так, что за душу берет... Так и ворону можно вывести в солисты. Все-таки родня! — не соглашался Кирилл.

— Нет, не говори так! Ты просто не слышал ее пения,— настаивал дядя Вася.— Она не только красиво поет, но даже умеет подражать другим птицам. Хочешь послушать? Вот чуть подобреет зима и отпустит мороз, пойдем в лес. Попутно и куропаток постреляем. Лады? — Дядя Вася тряхнул кудрявой головой.

В один из погожих апрельских дней, надев лыжи, они отправились в лес. Весь апрель в тайге еще зима зимой, лишь к концу месяца весной запахнет. Стройные лиственницы густым частоколом отгородили склоны сопок. Косые тени пролегли по распадку. Вдоль ключа извилистой линией теснились заросли тальника. Серебристая изморозь опушила деревья и кусты. И только чуть потемневшие дороги и грязный нозд-

реватый снег близ жилья человека говорили, что зиме приходит конец. Длиннее стали дни, ярче и теплее солнце. Радостно и звонко попискивает синица. Яростнее звучит неугомонная стукотня дятлов. Хрустит под лыжей тонкий наст.

— Скоро услышим,— вполголоса произнес дядя Вася.— Здесь ее охотничий район.

Путники остановились. В это мгновение невидимая кукша действительно запела. Приятные, негромкие звуки скороговоркой понеслись, поплыли над сугробами. Закончив трель коротким переливчатым посвистом, птица вдруг зацокала, точно сердитая белка. И тут же сама певунья, широко расправив веером рыжий хвост, легко и бесшумно перелетела на соседнее дерево. Села на сучок против солнышка, пригрелась, закрыла один глаз, и вновь полилась ее весенняя песня. Казалось, что в заснеженном лесу звучит какая-то диковинная свирель. Ласковая флейта переходила в щебетание и сменялась щелканием и свистом. Точно в насмешку в стройную мелодию вплетаются обрывки чужих голосов, подслушанные кукшей чьи-то напевы. И никак нельзя было предугадать, чем все это окончится. Какой замысловатый аккорд пустит и кого передразнит рыжая певица? Не верилось, что общеизвестная крикунья из вороньего рода дает такие концерты.

— Н-да, артистка хоть куда! Надо признать! — согласился Кирилл.— Интересно все-таки, как она научилась так подражать?

— Убедился? — обрадовался дядя Вася.— Заметь, что эта особа еще не такая искусница. Помню, мне одна повстречалась на реке Колыме, возле Рыжово. Так та была настоящий пересмешник. Что где услышит, моментально подхватит. Дразнилась по всем правилам. Даже гусиный гогот умела передать. А одна молодая кукша жила у юннатов. Эта мастерица выучилась так бесподобно высвистывать общеизвестный мотивчик: «Крутится, вертится шар голубой», что все удивлялись.

— А почему люди не знают, что кукша певчая птица?

— Кое-кто знаком с ее дарованием. Но дело в том, что поет кукша негромко, издали ее не услышишь. И в конце зимы в лесу мало кто ходит. Охота на пушных зверей прекращена. Сезон кончился, и добытчики «мягкого золота» вернулись домой. Кроме лесорубов, вряд ли кого в это время здесь и встретишь. Вот и получается, что люди не знают повадок этой совсем нередкой птицы.

ВНЕШТАТНЫЙ САНИТАР

Что можно сказать о нашей вороне? Черная, крикливая, некоторые добавят — нахальная. Можно согласиться. Но разве этими данными исчерпываются наши сведения о вороне?

Более знающие люди сообщат, что ворона живет в лесу, делает гнезда на деревьях, на зиму улетает в южные страны и весной возвращается обратно. Питается чем попало.

Вот с этого и начнем.

Ранней весной, когда еще нетронутой целиной голубеет снег в лесу, вороны уже тут как тут. Шумными стаями осыпают они окрестности городов и селений, собираясь на свалках.

За долгую зиму много накопится возле жилья человека всяких отбросов, и большого труда стоит убрать и увезти подальше от жилых домов эту грязь. Придет весна, и все эти гниющие остатки начнут заражать землю, воду и воздух. А это грозит людям очень серьезными неприятностями...

И вот здесь-то и приходит на помощь человеку пернатый ассенизатор, черная птица ворона. От зоркого глаза этой сметливой птицы ничего не укроется. Она в еде неразборчива, ест всякую всячину, все найдет и все разыщет. Не упустят вороны и павшее животное, обдерут так, что только одни косточки останутся. Прямо хоть скелет для зоологического кабинета монтируй. Ворону по праву следует признать официальным санитарным работником, так же как коршунов и стервятников в южных городах Азии и Африки.

В глубинах тайги очистку территории от падали берут на себя другие вороны. Есть такая птица — нелюдим, близкая родня вороне, но покрупнее и зовется ворон. Этот сказочный персонаж и прорицатель всяких бед не улетает на зиму в теплые страны. Близости человека он не признает и держится в самых глухих, безлюдных местах.

Облетая тайгу, обнаружит ворон где-либо погибшего оленя или другого павшего зверя. И сразу же неведомыми путями об этом оповещается все окрестное население, все кочующие вблизи птицы. Не успеешь оглянуться, у них уже пир горой.

Поедая отбросы на свалках и расправляясь с павшими животными, вороны выполняют самую грязную и самую благодарную работу, оздо-

ровляя наши населенные пункты и окрестные леса. В особенно богатых кормовых угодиях, то есть наиболее загрязненных местах, их собирается до сотни и более. Вороны являются как бы барометром санитарного благополучия нашего жилья. Суматошный грай поднимают они при разделе добычи.

Любят они посещать места зимнего забоя оленей. Остатки мяса, внутренние органы, обрывки шкур, все, что не использовал человек, остается на зимних коралях. Нередко к этим постоянным уборщикам присоединяются орлы-беркуты и орланы-белохвосты. Но эти важные птицы выбирают кусочки повкуснее.

В мае, закончив весеннюю очистку территории поселков, наши санитарные помощники разбиваются на пары и удаляются в лес на гнездовье. Но здесь поведение вороны совсем иное. Если она поселится вблизи озера или заливного луга, то может принести немалый вред нашему охотничьему хозяйству. Редкое гнездо утки останется незамеченным и уцелеет. Все ворона выследит, разорит, опустошит и даже яйца выпьет.

Безусловно, нельзя допускать гнездований ворон близ охотничьих угодий и всеми мерами, вплоть до уничтожения и разорения гнезд, надо отваживать их.

Следует сказать, что ворона не такая уж глупая птица, как ее изображают в баснях. Попробуйте застрелить ворону. Это не так легко, как кажется на первый взгляд. Обмануть ворону можно только раз. Но если она осталась живой, полученный урок никогда не пройдет даром. Никакие ухищрения, никакой обман и маскировка не дадут результата. Хорошо помня человека и чуя, что он замышляет, ворона ни за что не подпустит его на выстрел. Даже и в том случае, если ружье спрятано под полой и человек идет с самым независимым видом мимо. Убить ворону можно только терпеливо выжидая в засаде или же случайно, молодую, неопытную.

На морском побережье роль ассенизаторов на рыбных промыслах взяли на себя поморники и другие чайки. Все рыбные отходы на берегу и в воде и снулая или больная, плавающая поверху рыба немедленно подбирается. Это избавляет работников промысла от забот о чистоте территории. Птицы за них сделают все.

Правда, очень удобно?

ШАМАН — СОВА

Зимой и летом, в любое время суток торчит она на усыхающей верхушке излюбленного дерева. Сидит себе на самом шпиле, погрузив нос в перышки на груди, и думает свою птичью думу. А сама зорко смотрит по сторонам. Вертит головой так, точно у нее шея без костей, на одной шкурке держится. Чутким ухом, за десятки метров уловит она шорох крадущегося грызуна. Высмотрит и камнем упадет вниз со своего командного пункта. Лохматая тень шатром накроет зверька и... Вот уже мышь попискивает у совы в когтях. Что и говорить, полезная для сельского хозяйства птаха — сова ястребиная, мышатница!

Есть поговорка: «Всякая сова днем глупа!» Тут, конечно, дело не в глупости или мудрости совы, а в том, что любая птица, попадая в непривычные для нее условия, чувствует себя плохо и становится беспомощной. А совы, как известно, птицы ночной поры. Днем, при ярком свете, они действительно держат себя весьма нерешительно. Но это наблюдение совершенно не относится к ястребиной сове. Она, да еще полярная — наиболее дневные из всех видов наших северных сов.

Ястребиная сова совершенно одинаково видит как ночью, так и днем. Ведь если бы она охотилась только ночью, как это делают другие совы, то на Севере, в летние нескончаемо длинные дни и белые ночи ей пришлось бы плохо.

Людей эта некрупная сова не пугается и даже не обращает никакого внимания на проходящего мимо человека. Вертким полетом и окраской пера она сильно напоминает маленького ястреба, и мелкие птицы ее панически боятся. Гнездится эта совушка обычно в дуплах, на пнях, реже просто в ямке на дереве, у основания большого сучка.

Бывает, встрепенется сова-ястребок, приспустит крылья, наклонит голову, взъерошит перья, раздуется и станет будто мягкий пушистый шар. Только желтые глаза, как угли, в центре жутко поблескивают. Пугает лесной народ.

— Клю, клю, клю, клю, клю!..— понесутся по всей округе пронзительные вопли и душераздирающее улюлюкание.

— Опять мэкчиргэ[1] шаманит! — говорят люди.— К ненастью!

[1] Мэкчиргэ — сова (якут.).

Существует и старинная якутская сказка про сову-ястребка.

Давно это было. Очень давно. Вздумала сова породниться с гусем. Он такой важный, степенный, на юге бывает и все знает. Да и дичь считается отменная, не то что рябчик или куличок какой-нибудь.

Кокетливо вращая большими, будто стеклянными глазами и скорчив любезную мину, она предложила гусю жить вместе.

— Я буду смирной и послушной женой! — расхваливала она себя.— И днем и ночью буду охотиться. Мясом обеспечу досыта. Гукать умею, точно в пустую бутылку дуть! Скучно не будет!

Гусь посмотрел на нее одним глазом и сказал:

— Не обижайтесь, пожалуйста, но в жены вы мне не подходите! Мяса я не ем. А от вашего гуканья и криков у меня голова болит. И потом, потом... Как же вы будете со мной вместе щипать траву на лугу? У вас шея короткая. И лицо круглое, как у кошки! Это даже неприлично птице иметь звериный вид. Все мои друзья-гуси гоготать будут, если я вас приведу! Меня на смех поднимут! — Гусь был хорошо воспитан и всегда и всех, даже врагов, называл на вы.

Сова обиделась и скорчила такую злобную гримасу, что даже видавшему виды гусю стало не по себе, и он поспешил удалиться. А рассвирепевшая, отвергнутая невеста взлетела на самое высокое дерево, села на верхушку и оттуда заголосила:

— Глупый ты, гусок, задавака! Пусть у тебя шея длинная, а я все же выше тебя сижу! А ты попробуй-ка сядь на дерево! Ну и тыкай себе в землю своим красным носом!

— Тфюии! — заунывно в нос присвистнул поползень в синем пиджачке на рыжей подкладке вслед посрамленному гусю. Поползень был лесной житель и, конечно, понимал сову. И послушный трудолюбивый дятел тоже горячо поддержал оскорбленную совушку. Возмущенный поведением гуся, он мгновенно отстучал по дереву и оповестил весь лес о неудачном сватовстве.

И пошла молва по тайге: «Почему гусь обидел сову и считает ее некрасивой? Ведь у нее такое умное, выразительное лицо, такой твердый взгляд!»

А сова поплотнее уселась на своем сучке, раздулась, вздыбила хвост и стала как мохнатый шар. Выпученные глаза огнем горят. Приняв такую угрожающую позу, она начала шаманить, улюлюкать. Всех лес-

ных духов призывать и просить их наслать на гуся какую-нибудь невзгоду.

И духи послушались сову. Тут же начались дожди. Три дня и три ночи шаманила в упоении сова, и все это время, как из ведра, лились с неба потоки воды. Реки вышли из берегов. Все луга затопило. Ни травинки, ни былинки. Сова, накликав ненастье, забралась обсушиться в дупло. Ей хоть бы что: и тепло, и сухо! А каково гусю? Бедная птица не могла найти себе сухого местечка, где можно было бы согреться и пощипать травы. Перья с него осыпались, как шелуха, и гусь стал совсем облезлый. Голые крылья торчали как култышки. Жалко было смотреть. Подняться в воздух и летать он уже не мог. С горя и стыда беспомощный гусь забрался в самую глухомань и там в трущобе сидел и ждал, когда судьба смилостивиться над ним и вновь отрастет на крыльях тугое перо.

С тех пор так и повелось: как вспомнит сова, что гусь ее опозорил, так и давай шаманить. И сразу же наступает ненастная погода, идут проливные дожди, гуси начинают терять перья и прячутся от страха в непроходимую чащу.

ОГОНЬ ЮКАГИРОВ

Как-то пришлось мне заночевать в юрте Софрона Карякина. Полуслепой столетний якут оказался на редкость занятным, с феноменальной памятью, сказителем. Его олонхо — эпические поэмы, исполняемые тихим речитативом, были всегда так интересны, что поневоле заслушаешься.

Мерно покачиваясь и закрыв глаза, сказочник сидит у камелька и повествует о прошлом своей земли и о судьбах народа. Явления природы переплетаются с историческими событиями и осколками якутских мифов о мироздании и возникновении северных племен.

Затаив дыхание и стараясь не проронить ни одного слова, слушают его собравшиеся. Тут и многочисленная, до третьего колена, семья Софрона, и охотник, пришедший заночевать, и случайно забредший геолог-поисковик, и шофер, заехавший по пути на огонек, и всякий другой народ.

Юрта Софрона Карякина никогда не пустовала. Она стояла на бой-

ком месте, на берегу реки Индигирки. Зимой здесь, по льду реки, пролегала автотрасса.

— Пришли якуты из племени Айни Аймага на Колыму на боевых конях с блестящими мечами. Аласы здесь богатые, луга привольные, пастбища тучные. Ягель в горах как белые волны переливается. В тайге зверя ли, птицы много. Реки полны рыбы. Живи — умирать не надо! Да горе, что все удобные места для стойбищ заняты юкагирами. По тайге ламуты кочуют, пушного зверя промышляют. И начались столкновения, распри. Разгорелась жестокая война меж племенами за лучшее место на земле. Каждый хозяином хочет быть! Ни день, ни два, и ни одну большую ночь — зиму — много лет дрались люди. Реки крови пролились. Снег красным стал.

И все-таки якуты остались здесь жить. Юкагиры ушли за перевалы, за Арга-Тас, за Илин-Тас и за Анюйские горы. Вниз по Колыме-реке в тундру, к Ледяному морю.

Поселились юкагиры в тундре. А чтобы якуты за ними вслед не пришли, они всю тайгу за собой запалили. Вдоль всего берега моря, с запада на восток костры зажгли. По всем стойбищам, по всему небу пылало зарево. И еще юкагирские шаманы сговорились с подземными духами нижнего мира. Всполошив все живое, аббасы — подземные духи — вышли на поверхность. Люди видели, как сопка задышала огнем. С шумом и треском, верхом на быках, вырвались духи из горы на волю. Что тогда творилось — страшно сказать. Огонь ударил вверх. Небо почернело и зажглось. Огненные реки потекли с гор. Полетели камни, запылала тайга, закипели реки. В страхе все звери и птицы побросали эти места навсегда. А рыба в воде сварилась.

Много дней подземные духи нижнего мира гремели, веселились. Потом затихли. С тех пор прошло много лет. Не сосчитать, сколько раз пряталось солнце и сколько больших ночей прожили. Люди забыли. А на том месте только и осталась раскаленная солнцем пустыня да каменная урага — конусообразная юрта, с дырой сверху, выше всех гор стоит. И в нижний мир лестница ступенчатая ведет. Реки все засохли, и вода в черный камень превратилась. Ягель там больше не растет. Ни птицы, ни зверя не увидишь. Лишь один чубука — горный баран умирать приходит. И нога человека с тех пор туда не ступала.

Гора давно погасла. И костры, зажженные юкагирами, давно истле-

ли. И юкагиров не так много осталось на северной земле. Но огни их, долетевшие до неба, до сих пор светят. Багровые сполохи играют, переливаются всеми цветами радуги в ночном небе. И называет их народ по старинке — юкагир уотта, то есть огонь юкагиров!

Открытый советскими геологами в 1952 году потухший вулкан в верховье реки Анюй — притока реки Колымы — за Полярным кругом невелик. Высота конуса около 120 метров. Кратер диаметром в 300 метров и глубиной до 90 метров. Установлено, что действовал он в последний раз сравнительно недавно, еще на памяти людей. Несколько сот лет назад грандиозный взрыв в Анюйских горах потряс воздух. Обрушилась гора. Из гигантского жерла, как из пушки, сияющим клубком вылетела каменная пробка. Вслед за ней поднялся столб раскаленных газов, мощной струей полилась из воронки и из трещин вязкая лава и потекла по склонам. Фонтаны жидкого, раскаленного добела металла били в небеса и падали на землю, сжигая все. На вершинах снег растаял. Пожирая тайгу, бушевало пламя. Реки испарились. Клубами пара и грудой обломков вскипали и рвались в воздух ледяные линзы вечной мерзлоты в глубинах земли. Огненные реки заполнили все ключи и распадки. Образовались бездонные, наполненные лавой озера.

Так повторялось много раз. Все живое, обезумев от ужаса, во весь опор бежало и летело, стремясь уйти от гиблого места. Все, кто не смог убежать, погибли, став жертвой всепожирающего огня. Через несколько месяцев огнедышащая гора стала затихать. Исчерпав запас сил, нагрохотавшись досыта и напоив все долины жидким огнем, вулкан замер. Осталось лишь жерло в недрах земли и дымящаяся раскаленная пустыня. Черными, гладкими, точно полированными глыбами застывшего базальта была заполнена долина реки. И люди назвали ее Монни — каменная река.

Для геологического летоисчисления, где миллионы лет летят как единицы, возраст в 300—500 лет считается молодым. Полагают, что активность вулкана, с кратковременными перерывами, продолжалась около года. Огненный смерч прошел, вулкан затих, и, казалось, уже навсегда. Со временем острота события притупилась. Забылось и само бедствие. Грозные загадочные силы природы, так напугавшие и поразившие в свое время людей, приобрели фантастический характер и обросли легендами. Память человеческая пронесла через века и сохрани-

ла отголоски этого явления, но связала его с другими событиями, происходившими в старину в Якутии. Извержение вулкана переплелось с межплеменной борьбой якутов с другими северными народностями и переселением юкагиров в тундру. Сюда же добавилось вызывающее восторженное удивление, грандиозное и загадочное явление природы — северное сияние! Так выглядели давно прошедшие события в импровизации сказителя Софрона Карякина.

СОДЕРЖАНИЕ

Самоотверженный искатель . . . 5
Белое чудо . . . 10
Бой оленей . . . 13
Шумный берег . . . 15
Медвежья плотина . . . 19
«Снежная бабушка» . . . 20
Вечная жизнь . . . 23
Розовые куропатки . . . 27
Щука-гигант . . . 29
Приемыш . . . 35
Орел-обжора . . . 36
Рюм . . . 39
Росомаха . . . 40
Заколдованное гнездо . . . 45
Настойчивый провожатый . . . 48
Ширапета . . . 51
Витю видел? . . . 56
Мишка, да не тот! . . . 59
Розовая чайка . . . 61
Кулик-перевозчик . . . 65
Западня . . . 67
Зимняя свирель . . . 68
Внештатный санитар . . . 71
Шаман — сова . . . 73
Огонь юкагиров . . . 75

Всеволод Дмитриевич
ЯХОНТОВ

ТРОПОЮ ЧЕРСКОГО

(Рассказы о природе)

Редактор *О. Н. Гуссаковская.* Худож. редактор *Д. Д. Власенко.*
Технический редактор *В. А. Горячев.*
Корректор *М. Л. Лисичкина.*

Сдано в набор 23/XII 1964 г. Подписано к печати 11/II 1965 г. АХ—01076.
Формат 70×90/16. Объем 5 физ. п. л. + 0,375 физ. п. л. вкладок. 6,289 усл. п. л.
5,2 уч.-изд. л. Заказ 7430. Тираж 5000. Цена 16 коп.
Магаданское книжное издательство, г. Магадан, ул. Пролетарская, 15.

Магаданская областная типография Управления по печати.